

Б. В. АНАНЬИЧ, Р. Ш. ГАНЕЛИН

ОПЫТ КРИТИКИ МЕМУАРОВ С. Ю. ВИТТЕ

(в связи с его публицистической деятельностью в 1907—1915 гг.)

На протяжении многих лет к мемуарам Витте как источнику по истории России конца XIX—начала XX в. обращаются за фактическими сведениями советские исследователи, работающие над различными сторонами истории России — внешней политикой и международными отношениями, революционным движением и контрреволюционной политикой царизма, народным хозяйством и финансами. Критическое использование этих фактических сведений в сопоставлении с материалом других источников расширяет наши представления об одном из важнейших периодов истории нашей родины.

Этим и вызывается необходимость специального источниковедческого анализа мемуаров Витте, содержащих, само собой разумеется, не только ошибочные и тенденциозные оценки приводимых фактов, но порою и намеренные их искажения. Между тем некоторые из этих фактов историк не может почерпнуть в других источниках, так как они ни в одном из них не нашли отражения.

В. И. Ленин в одной из своих работ, посвященных анализу полемики Витте с Гучковым, анализу, который представляет собой образец использования в интересах революции источников, исходящих из враждебного классового лагеря, писал: «Историческая правда берет свое и выплывает наружу иногда с такой стороны, с которой менее всего можно бы было ожидать правды».¹

Настоящая статья, не претендуя на всесторонний и полный анализ мемуаров Витте как исторического источника, ставит перед собой более ограниченную цель — рассмотреть их в связи с политической борьбой, которую вел Витте в печати в 1907—1915 гг.

Когда 28 февраля 1915 г. в Петрограде умер С. Ю. Витте, министр финансов в 1892—1903 гг. и председатель Совета министров в октябре 1905—апреле 1906 гг., уже восемь лет находившийся не у дел, факт этот, казалось бы малозначительный на фоне событий

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 379.

первого года мировой войны, оказался в центре внимания русской буржуазной прессы всех направлений. Имя Витте в течение нескольких дней не сходило со страниц как столичных, так и провинциальных газет. Буржуазная печать, начинавшая в эти месяцы игру в оппозицию царизму, оплакивала «первого русского премьера», якобы преждевременно устранившегося с политической арены. Снова и снова перечислялись «заслуги» опального министра: денежная реформа 1896 г. и винная монополия, Портсмутский мир и манифест 17 октября. Некоторые из петербургских газет выходили в эти дни даже с большими цензурными лакунами в статьях, посвященных Витте, а черносотенные листки очень скоро подняли шум о «весьма нездоровой и нежелательной популяризации» его имени. «Одним вредным для России человеком стало меньше», — так откликнулось на смерть Витте «Русское знамя», выразив вслух чувства самого Николая II.² «Я уезжаю с таким спокойствием на душе, — писал Николай в этот день жене, — что даже сам удивляюсь. От того ли это происходит, что я беседовал с нашим Другом (Распутиным, — Б. А., Р. Г.) вчера вечером, или же от газеты, которую Бьюкенен дал мне, от смерти Витте, а может быть, от чувства, что на войне случится что-то хорошее, — я не могу сказать, но в сердце моем царит истинно пасхальный мир».³

Тогда же на страницах газет промелькнули упоминания об оставшихся после смерти Витте мемуарах. 1 марта 1915 г. в «Русском слове» появилась небольшая заметка петербургского корреспондента газеты, известного журналиста А. В. Руманова «Мемуары графа Витте». В заметке сообщалось, что Витте в последние годы своей жизни работал над составлением мемуаров, что им была приглашена стенографистка, которая писала в течение двух лет и «в результате получилось два огромнейших тома воспоминаний», хранящихся в подлинниках за границей. А. В. Руманов давал понять, что знаком с содержанием этих стенографических записей Витте, и подчеркивал даже, что в мемуарах дается характеристика большому числу лиц, с которыми автору «приходилось иметь общение» и некоторые из них «так залеймены, что дали бы многое за то, чтобы уничтожить из мемуаров всякий след своего имени». «Между прочим, — продолжая рекламировать воспоминания Витте, писал Руманов, — одна американская фирма предлагала графу миллион долларов за право издания его мемуаров. Граф Витте отказался».⁴ Этот же факт подтвердил и редактор «Исторического вестника» Б. Б. Глинский, уделивший довольно много вни-

² Русское знамя, 14 марта 1915 г.

³ Переписка Николая и Александры Романовых, т. III. М.—Пгр., 1923, стр. 116.

⁴ Русское слово, 1 марта 1915 г.

мания мемуарам С. Ю. Витте в статье «Граф Сергей Юльевич Витте (материалы для биографии)», напечатанной в 1915 г. в нескольких номерах «Исторического вестника».⁵ Не скрывая того, что в последние годы жизни Витте он принимал участие в различных литературных предприятиях отставного министра, Глинский писал, что предлагал Витте напечатать в «Историческом вестнике» некоторые отрывки из его мемуаров, но последний заявил: «Напечатать в вашем журнале кое-что из своих воспоминаний мне было бы, несомненно, интересно, но это как-нибудь потом, а сейчас будем продолжать опубликовывать документы».⁶

Николай II, разумеется, знал о существовании мемуаров задолго до появления этих газетных и журнальных сообщений. Бумаги Витте были опечатаны сразу же после его смерти, а 5 марта в его особняк на Каменноостровском проспекте явились генерал-адъютант Максимович, кн. Трубецкой и представитель полиции. Архив Витте был просмотрен и значительная часть его увезена. Искали мемуары, но не нашли.⁷ Обнаружено было только оглавление к стенографическим рассказам,⁸ которое еще больше разожгло любопытство Николая II, заявившего через генерал-адъютанта вдове Витте о своем желании ознакомиться с мемуарами, в чем ему было отказано со ссылкой на то, что мемуары хранятся за границей. В ответ на это и последовал описанный в предисловии М. И. Витте к «Воспоминаниям» обыск в заграничной вилле Витте в Биаррице, произведенный чиновником русского посольства в Париже в отсутствие хозяев. Но и он оказался безрезультатным. Витте слишком хорошо знал повадки русской полиции и Николая II (он и сам прибегал к подобным приемам), чтобы решиться хранить рукописи мемуаров обычным способом даже далеко за пределами России. Они долгое время хранились в одном из парижских банков на имя его жены и незадолго до смерти Витте были переведены в Байонну на имя другого лица.

Хотя о существовании мемуаров Витте стало широко известно сразу же после его смерти, прошло более пяти лет, прежде чем

⁵ Исторический вестник, 1915, №№ 4—5, 7—12.

⁶ Исторический вестник, 1915, апрель, стр. 233. По-видимому, круг лиц, знавший о существовании мемуаров Витте, был не так уж мал. О них в газете «Речь» 1 марта писал ее редактор И. В. Гессен (будущий издатель «Воспоминаний», буржуазный юрист и публицист, один из лидеров кадетской партии) со ссылкой на то, что Витте еще в 1909 г. читал ему записки о событиях 17 октября 1905 г. В «Биржевых ведомостях» 1 марта 1915 г. М. Ковалевский замечал, что ему как-то «пришлось заглянуть в рукописные мемуары» Витте.

⁷ См.: Русское слово, 6 марта 1915 г.

⁸ Оглавление это опубликовано А. Л. Сидоровым в приложении к 1-му тому «Воспоминаний». См.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1. М., 1960, стр. 464—510. Все ссылки в настоящей статье делаются на это издание, за исключением специально оговоренных.

они увидели свет. Только в конце 1920 г. выяснилось, что рукописи мемуаров попали в руки созданного в Берлине весной 1920 г. книгоиздательства «Слово». Член правления этого издательства и одновременно редактор белоэмигрантской газеты «Руль» И. В. Гессен, подготовлявший издание мемуаров, стал помещать в этой газете отдельные отрывки из них,⁹ а спустя некоторое время, в 1921 г., вышел из печати первый том «Воспоминаний».¹⁰

Однако издательство «Слово» не было первым, опубликовавшим мемуары С. Ю. Витте. Рукопись мемуаров, если не при жизни автора, то после его смерти, попала все-таки в руки американских издателей. В 1921 г. в американском журнале «World's Work» были опубликованы три отрывка из мемуаров¹¹ и в том же году, несколько опередив выход первого тома берлинского издания, появилось американское однотомное издание мемуаров Витте на английском языке.¹² На титульном листе американского издания значилось, что оно представляет собой перевод с оригинала рукописи, подготовленной к печати А. Ярмолинским, который в течение многих лет был заведующим славянским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки.

⁹ Первый фрагмент из мемуаров был помещен в газете «Руль» 29 (16) декабря 1920 г., а затем по мере подготовки к изданию томов мемуаров отрывки из них публиковались в этой газете вплоть до 1923 г. В первую серию публикаций в этой газете, появившуюся вскоре после приобретения рукописи издательством «Слово» и состоявшую, как нам представляется, из отрывков, которые были извлечены из «рукописных записок» Витте до того, как было приступлено к составлению текста «Воспоминаний» (об этом см. ниже), вошли следующие отрывки: «Николай II и Александра Федоровна» (29 (16), 30 (17) дек. 1920 г.); «Манифест 17 октября» (1 янв. 1921 г. (19 дек. 1920 г.)); «Император Вильгельм II» (5 янв. 1921 г. (23 дек. 1920 г.), 6 янв. 1921 г. (24 дек. 1920 г.), 7 янв. 1921 г. (25 дек. 1920 г.)). В последнем номере опубликован также отрывок «Заем 1906 г.».

¹⁰ Граф С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. Царствование Николая II. Берлин, 1922. Сообщение о выпуске первого тома было помещено в газете «Руль» 30 (17) октября 1921 г. Второй том (Граф С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II. Царствование Николая II. Берлин, 1922) вышел в апреле 1922 г. (Руль, 9 апреля (27 марта) 1922 г.); третий (Граф С. Ю. Витте. Воспоминания, т. III. Детство. Царствования Александра II и Александра III. Берлин, 1923) — в марте 1923 г. (Руль, 18 (5) марта 1923 г.).

¹¹ Эти три отрывка: «Мои переговоры с Ли Хун-чжаном», «Царь и царица», «Мои встречи с кайзером Вильгельмом» были переведены на чешский язык и в 1922 г. изданы в Праге в виде небольшой отдельной книги: *Paměti hraběte Sergěje Witte, ruskeho ministra financí a ministerského předsedy za cara M. kuláče II (z angličtiny přeložil Theodor Pistorius)*. Praha, 1922.

¹² The Memoires of Count Witte. Translated from the original russian manuscr. ipt and edited by Abraham Yarmolinsky. W. Heinemann, London, 1921. Издательство W. Heinemann во время первой мировой войны было приобретено американской издательской фирмой Doubleday, Page and Co, однако продолжало действовать под старым названием (F. A. Mumbly. Publishing and Bookselling. A History from the earliest times to the present day. London, 1954, стр. 297).

Таким образом, к концу 1921 г. увидели свет сразу два издания «Воспоминаний» Витте, оба подготовленные по рукописи. О том, что издательством «Слово» приобретены мемуары Витте, сообщалось в газете «Руль» 6 марта (21 февраля) 1921 г. Как попали рукописи мемуаров в руки американского издателя, а также находились ли эти издательства в какого-либо рода деловых отношениях, нам неизвестно.

Оба эти издания (а все последующие представляют собой перепечатку или перевод текста того или иного из них) выполнены таким образом, что полного представления о том, как же выглядят рукописи мемуаров Витте, получить невозможно. Все наши сведения о том, как писались мемуары Витте и как выглядели рукописи, оставшиеся после его смерти, ограничиваются тем, что сообщил об этом в своих вступительных замечаниях к берлинскому изданию И. В. Гессен. Он цитирует несколько записей Витте, которые позволяют установить время и обстоятельства, при которых была написана та или иная часть мемуаров. Наиболее интересна в этом отношении воспроизведенная в первом томе берлинского издания фотокопия последней страницы рукописных заметок Витте, относящейся к октябрю 1912 г., которую условно можно считать его литературным завещанием. Окончив свои рукописные заметки, Витте сделал две записи. Первая из них, датированная 5 октября 1912 г., гласит: «Я оканчиваю свои заметки и если буду писать, то в порядке страниц начиная с 364 (продолжение настоящей), касаясь более современных обстоятельств, которых я не касался в моих стенографических диктовках, потому, что считал это невозможным. 5 октября 1912 г. Биарриц». Несколько дней спустя, как бы подводя итог всей своей работе над мемуарами, Витте сделал там же вторую запись: «Итак я оставляю: 1) историю возникновения русско-японской войны (эта работа составлена при сотрудничестве некоторых лиц, которые были моими сотрудниками, когда я был министром финансов), работа эта состоит из двух томов и тома приложением — ее можно напечатать сейчас после моей смерти; 2) стенографические рассказы (можно тоже напечатать после моей смерти с некоторыми выпусками, касающимися лиц еще живущих), — и, наконец, настоящие мои рукописные заметки, которые тоже должны быть в ближайшее время¹³ после моей смерти напечатаны. Прошу это в точности исполнить. Гр. Витте. 11/24 октября 1912 г.»¹⁴

В этих заключительных строках «рукописных заметок» Витте прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что Витте не рассматривал свое рукописное наследие как нечто единое, а разделял его на три совершенно самостоятельных сочинения, которые

¹³ Первоначально было написано «в ближайшие годы».

¹⁴ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1. Берлин, 1922.

завещал опубликовать после своей смерти каждое отдельно и в определенной очередности. С другой стороны, если говорить о жанре каждого из этих трех сочинений, то с этой точки зрения автор не делал между ними такой уж большой разницы.

Впрочем первое написанное им после ухода с поста премьера сочинение Витте относил к мемуарам лишь условно. Объяснение этому мы находим в предисловии к «Возникновению русско-японской войны», в котором указывалось, что эта рукопись была составлена «в течение зимы 1906—1907 гг. под личным руководством и на основании документов личного архива графа С. Ю. Витте и поэтому носит характер как бы личных мемуаров графа (разрядка наша, — Б. А., Р. Г.) по делам, относящимся к Дальнему Востоку».¹⁵ Далее в предисловии перечисляются все категории документов, на основании которых была составлена работа. Их три. Первая категория — «материалы, уже ранее подвергавшиеся обработке в особых изданиях и трудах», т. е. ведомственные обзоры, изданные в разное время для служебного пользования; вторая — материалы из личного архива Витте, «особо секретные документы» и переписка, не вошедшие в состав «сводных трудов» ведомственного происхождения, и, наконец, третья — «заметки графа С. Ю. Витте, которые набрасывались им по мере изготовления и редактирования» работы.¹⁶

Как видно из вышесказанного, «Возникновение русско-японской войны» было составлено не только под руководством Витте и по материалам его личного архива, но и на основании собственно-ручных заметок Витте, отчасти мемуарного характера. Все это вместе взятое и дало, очевидно, ему повод придавать этому своему сочинению значение «как бы личных мемуаров... по делам, относящимся к Дальнему Востоку». Оно было закончено к весне 1907 г., а летом того же года Витте приступил к работе над «рукописными заметками», которые он назвал в предисловии «воспоминаниями»¹⁷ уже без всяких оговорок, причем не ставил их в связь с «Возникновением русско-японской войны», а подчеркивал их совершенно самостоятельный характер. Однако между двумя этими сочинениями существует несомненная связь и потому, что первое из них Витте, хотя и условно, называл своими мемуарами, и потому, что в рукописных заметках дальневосточная тема получила, правда в несколько ином плане, свое дальнейшее развитие. Отметим также, что описание событий в рукописных заметках начинается с осени 1903 г., т. е. с того самого момента, которым кончается «Возникновение русско-японской войны».

¹⁵ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 596—597 (комментарии).

¹⁶ Там же.

¹⁷ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1, стр. LXXI.

Витте писал свои рукописные заметки за границей и закончил над ними работу в октябре 1912 г. Зимой 1910—1911 гг., находясь в Петербурге, он начал параллельно диктовать «стенографические рассказы», тематически самым тесным образом связанные с рукописными заметками и во многом их повторяющие. Эти рассказы начинаются воспоминаниями о детстве и доведены до 1911 г. Так появилась еще одна составная часть мемуаров.

Каждую из этих трех работ, как уже говорилось выше, Витте и завещал после своей смерти опубликовать отдельно. Однако это завещание было нарушено прежде всего им самим. В течение последнего года своей жизни Витте под чужим именем опубликовал «Возникновение русско-японской войны».¹⁸ После его смерти завещание также не было исполнено в точности при издании рукописных заметок и стенографических рассказов. Как мы знаем из вступительных замечаний Гессена, на основании «стенографических записей (17 томов in folio)» и «заграничных заметок (9 тетрадей in quarto)» им были составлены три тома «Воспоминаний». Преследуя, очевидно, коммерческие цели, Гессен, вместо того чтобы в соответствии с завещанием издать каждую из рукописей отдельно, свел их в единый текст, разбил его на главы, а в случаях «параллельности изложения» установил «сводную редакцию», беря в таких случаях за основу «более „откровенный“ рассказ рукописных заметок».¹⁹

Результаты произведенного Гессеном «упорядочения» оставленного Витте материала таковы, что на основании подготовленных им к печати «Воспоминаний» невозможно получить полного представления о рукописях, которые имел в своем распоряжении издатель, хотя Гессен и выделил в «Воспоминаниях» звездочками части текста, взятые им из «рукописных заметок». Наличие в издании текста, составленного Гессеном в результате «сводной редакции», уже само по себе исключает возможность восстановить первоначальный вид рукописей, не говоря уже о том, что в «Воспоминаниях» имеется довольно большое количество купюр, как обозначенных, так и не обозначенных издателем. Однако при всех его недостатках берлинское издание мемуаров Витте является значительно более полным и в научном отношении более ценным по сравнению с изданием мемуаров на английском языке, также подготовленным по рукописи.

Что касается этого издания, то достаточно его сопоставить с берлинским, чтобы убедиться в том, что это не более как вольное изложение мемуаров в переводе на английский язык, сжатое в один

¹⁸ Более подробно об обстоятельствах издания «Возникновения русско-японской войны» речь пойдет ниже.

¹⁹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1, стр. LXXVI.

том, отличающееся произвольным распределением материала и предназначенное, по-видимому, для занимательного чтения. О том, как готовилось это издание, можно только гадать, ибо к нему нет предисловия, в котором можно было бы найти ответ на этот вопрос. Таким образом, едва ли можно вообще говорить о научном значении лондонского издания мемуаров и уж во всяком случае, пользуясь этим изданием, просто трудно понять, какими именно материалами располагал американский издатель Ярмолинский. Разумеется, что по этим же причинам и сопоставление текстов лондонского и берлинского изданий не может дать значительных научных результатов. И если в лондонском издании мемуаров изложение некоторых фактов отличается от их изложения в берлинском издании, то нельзя быть уверенным в том, что это не есть результат вольного или даже небрежного обращения переводчика с текстом оригинала. Фактов, которых не было бы в берлинском издании, лондонское издание, значительно меньшее по объему, почти не содержит, за исключением некоторых случаев. Например, при описании дальневосточных событий в лондонском издании (стр. 84—95) встречаются цифры и сведения, которых нет в берлинском издании, но которые могли быть взяты из «Возникновения русско-японской войны». Если это так, то можно предположить, что в распоряжении Ярмолинского имелись не только «рукописные заметки» и «стенографические рассказы», но и «Возникновение русско-японской войны». Два других издания мемуаров—французское и немецкое²⁰—вообще не имеют самостоятельного значения. Французское представляет собой перевод английского издания, выполненный с некоторыми купюрами и содержащий много ошибок, опечаток и неточностей;²¹ немецкое—перевод I и II томов русского берлинского издания с сокращениями и перестановками (в предисловии к немецкому изданию оговорены все отступления от русского текста).

Вскоре после выхода в Берлине «Воспоминаний» Госиздатом РСФСР было предпринято их советское издание с предисловием М. Н. Покровского, представляющее собой точную перепечатку текста берлинского издания как наиболее близкого к рукописям,²² поскольку Госиздат, естественно, не имел возможности ими воспользоваться. В 1960 г. вышло в свет новое советское издание

²⁰ Memoires du comte Witte. 1849—1915. Tr. de F. Rousseau. Paris; S. J. Witte. Erinnerungen; mit einer einleitung von prof. Otto Hoetzsch; ins deutsche übertragen von Herbert v. Hoerner. Ullstein, Berlin, 1923.

²¹ Многие из них отмечены в статье В. Гурко «Что есть и чего нет в „Воспоминаниях графа С. Ю. Витте“» (Русская летопись, кн. 2. Париж, 1922).

²² С. Ю. Витте. Воспоминания, тт. I—III. Госиздат, М.—Пгр., 1923—1924.

«Воспоминаний»,²³ снабженное комментариями. Ему предпослана вступительная статья А. Л. Сидорова, в которой дан анализ мемуаров Витте как исторического источника в связи с достижениями советской исторической науки в области изучения истории России в период империализма.

Поскольку ни одно издание не дает полного представления о рукописях мемуаров, особенную ценность приобретает сохранившийся в СССР личный архив Витте, составлявшийся им в непосредственной связи с работой над мемуарами. Фонд Витте в дошедшем до нас виде содержит свыше 1000 дел. В их число, по видимому, вошли как бумаги, изъятые после смерти Витте (нам неизвестно, были ли они частично или полностью возвращены наследникам), так и некоторые документы личного характера, оставшиеся в особняке, спешно покинутом его владельцами после Октябрьской революции.²⁴ В фонде имеется составленный не ранее 1912 г. под наблюдением Витте «Список документов» его личного архива, насчитывающий 59 номеров.²⁵ Под каждым из этих номеров значится не документ, а тематическая подборка документов — папка («сколка»). Поскольку в современном фонде Витте каждый документ, как правило, хранится отдельно, сопоставление «Списка документов» с составом фонда не может дать абсолютно достоверных результатов. Однако можно утверждать, что до нас дошла весьма значительная часть материалов виттевского архива. Из этого «Списка» видно также, что все документы были скопированы, причем за границей Витте держал другой архив. В большинстве случаев подлинники хранились за границей, а копии — в Петербурге, только в редких случаях дело обстояло наоборот. Некоторые указанные в «Списке» материалы в современном фонде Витте отсутствуют, например три тома следственного дела о покушении на Витте (с приложениями). Можно, кроме того, предположить, что некоторые документы Витте хранил только за границей. Таким образом, если заграничный архив Витте сохранился и стал бы достоянием исследователей, то в нем могли бы быть обнаружены, помимо рукописей мемуаров, и некоторые документы, которые явились бы ценным дополнением к личному фонду Витте в СССР. Состав этого фонда и особенно дошедший до нас «Список документов» виттевского архива свидетельствуют, что архив этот в значительной степени состоял из подборок документов по основным темам мемуаров.

²³ В отличие от предшествовавших, в этом издании изменена нумерация томов. Том I (1849—1894). Детство. Царствования Александра II и Александра III. Томы 2—3. Царствование Николая II. Союзгиз, М., 1960.

²⁴ Vera Narischkine-Witte. A Petrograd pendant la Revolution. Paris. 1925

²⁵ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 676.

Судя по приводимому Гессеном предисловию Витте к первой части рукописных заметок (от отставки с поста министра финансов до возвращения из Портсмута), Витте написал ее, «не имея под руками документов».²⁶ В дальнейшем же он постоянно имел возможность пользоваться своим архивом как в Петербурге, так и за границей (заграничный архив был образован, очевидно, в 1908—1909 гг.).

Помимо того, что личный фонд Витте содержит документальную основу его мемуаров, он ценен еще и тем, что дает возможность рассказов даже при отсутствии рукописных заметок и стенографических рассказов получить некоторое представление о ходе работы над ними. В фонде сохранились прямые следы этой работы: уже упоминавшееся оглавление к стенограммам²⁷ и хронологические таблицы, охватывающие весь затрагиваемый мемуарами период.²⁸ Весь машинописный текст таблиц перечеркнут, очевидно, по мере его использования. Остался не перечеркнутым лишь текст, относящийся к периоду с 15 сентября 1905 г. по конец апреля 1906 г., который, как известно, в стенограммах был пропущен.²⁹ Поэтому поэтому предположить, что хронологические таблицы служили Витте пособием при стенографических диктовках. Таким образом, мемуары, в которых упоминаются лишь некоторые документы и почти совсем нет дат, на самом деле написаны с использованием не только обширной коллекции документов, но и тщательно выверенной хронологической канвы. Однако архив собирался Витте отнюдь не только как документальная база для рукописей мемуаров, предназначенных к посмертному опубликованию. Устраненный в 1906 г. от активной государственной деятельности, он до самой смерти вел напряженную политическую борьбу за власть, за непогрешимость собственной репутации и дискредитацию своих противников. Важную роль в этой борьбе играла его публицистическая деятельность (мы имеем здесь в виду не только статьи и книги, которые появлялись под собственным именем Витте, или открыто даваемые им интервью, но и значительную инспирированную им литературу). Эта деятельность Витте, следы которой также сохранились в его личном фонде, находилась в прямой связи с писанием мемуаров и проливает, как нам кажется, новый свет на характер мемуаров и цели, которые ставил перед собой их автор. В результате публицистических выступлений Витте основные темы его ме-

²⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1, стр. LXXI.

²⁷ Опубликовав его, А. Л. Сидоров в специальной работе произвел сопоставление этого оглавления со структурой изданных Гессеном «Воспоминаний». Эта работа была доложена на заседании Археографической комиссии АН СССР в феврале 1961 г.

²⁸ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 961, лл. 68—92.

²⁹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1, стр. LXXIV.

муаров задолго до их издания оказались освещенными в печати. К этим темам мы относим следующие: 1) возникновение русско-японской войны, 2) Портсмутский мир и другие вопросы внешней политики, 3) борьба с революцией, 4) заем 1906 г.

Возникновение русско-японской войны

В многолетней политической полемике по различным вопросам, которую Витте вел со своими противниками, одним из центральных был, естественно, вопрос об ответственности за русско-японскую войну. Ожесточенность взаимных обвинений, которыми обменивались Витте и «безобразовская шайка», помимо всего прочего, была обусловлена тем, что в представлении реакционных кругов виновники войны оказывались заодно и виновниками революции. Обеим сторонам, конечно, придавало духу то обстоятельство, что сам Николай, в недавнем прошлом главный покровитель «безобразовщины», не мог не следить за этим спором. Ожесточенность полемики по этому вопросу не оставляла никакой логической возможности для сколько-нибудь объективного освещения роли Японии в развязывании войны. Причем именно со стороны Витте было проявлено в этом особенное усердие. Как известно, он обвинял своих противников в авантюризме, безответственной агрессивности и т. д., а безобразовские предприятия на р. Ялу представлял не только как главную, но и единственную причину войны. Виттевская версия происхождения русско-японской войны, умело им распространенная и поддерживавшаяся, была чрезвычайно живучей. В западной буржуазной историографии и до сих пор кое-кто придерживается этой версии, благо виттевские разоблачения «безобразовщины» объективно отвечают целям тех, кто стремится взвалить ответственность за русско-японскую войну исключительно на Россию. Опровергать по существу эту виттевскую версию теперь нет уже для нас необходимости: трудами советских исследователей, в первую очередь Б. А. Романова, исчерпывающе доказано, что хотя разница между Витте и Безобразовым была совсем не так велика, как изображал ее Витте, при всем том дальневосточная политика России явилась причиной русско-японской войны отнюдь не в большей мере, чем политика японского империализма. Мы поэтому остановимся здесь лишь на том, какими способами Витте создавал свою версию истории дальневосточного вопроса и какими путями пускал ее в широкое обращение.

Если обратиться к «Воспоминаниям», легко заметить, что дальневосточной политике Витте, его противоречиям с Безобразовым и компанией — вопросам, игравшим в карьере Витте существеннейшую роль, — уделено весьма немного внимания и места. Объясняется это существованием рукописи «Возникновение русско-

японской войны», завершённой в апреле 1907 г. и целиком посвящённой именно этому предмету.

Ещё будучи министром финансов, Витте начал собирать у себя дома официальные документы о дальневосточной политике, он даже готовил и печатал для узкого круга специальные сводные записки, излагавшие его версию событий, а во время войны этот его замысел оказался тесно связанным с газетной полемикой о причинах русско-японского столкновения, в стороне от которой он, конечно, и сам не остался, хотя по своему положению никак, казалось бы, не мог принимать в ней участия.³⁰

В конце января 1905 г. Л. Ф. Пантелеев поместил в газете «Наши дни» письмо Безобразову с требованием разъяснить «темные обстоятельства, которые привели к кровавой драме на Дальнем Востоке».³¹ Безобразов отвечать, конечно, не стал, но ответ на заданный в Петербурге вопрос неожиданно прозвучал во Владивостоке: серия статей, подписанных псевдонимом *Немо*, появившаяся в марте—мае 1905 г. в еженедельнике «Владивосток» — «Таинственное предприятие». По поводу открытого письма статс-секретарю Безобразову — начиналась обещанием осветить «темные стороны дела, от чего без сомнения уклонится статс-секретарь А. М. Безобразов и К^о».³² В статьях вскрывались лжекоммерческий характер безобразовского «Русского лесопромышленного товарищества» и его вызывающие по отношению к Японии действия. Статьи были написаны по преимуществу на основании впечатлений, полученных на месте действия компании. Следов использования правительственных документов, собиравшихся Витте для

³⁰ Впрочем, как писал один из участников этой полемики Рославлев (псевдоним И. И. Кольшко), выступавший в ней как раз в роли рупора Витте, для царского правительства она была политически небезвыгодна, так как «заявляла на некоторое время общественное внимание, послужив как бы громоотводом накопившегося после Мукдена негодования». Расчет при этом, по словам Рославлева, был на то, что «разоблачители взаимно друг друга дискредитируют». В доказательство справедливости своего утверждения он заявлял, что если «неумолимая цензура» не запрещает этой полемики, то ведь «недаром же» это делается, но скоро-де начнутся преследования за то, что сейчас как будто бы дозволяется (Рассвет, 11 (24) июня 1905 г.).

³¹ Наши дни, 27 января 1905 г.

³² Владивосток, 20 марта 1905 г. Печатание серии продолжалось в №№ 14—21 с 14 апреля по 22 мая 1905 г. В своей брошюре «Лиходей бюрократического самовластья как непосредственные виновники первой русско-японской войны» (СПб., 1906) Ф. А. Львов, представлявший себя в качестве предшественника «безобразовцев» в концессионном деле на Дальнем Востоке, обманутого ими и потому с ними порвавшего, заявлял, что статьи *Немо* связаны с его (Львова) открытым письмом Безобразову, написанным еще в 1903 г. Львов разоблачал политику «безобразовцев» как причину войны с Японией, уверяя при этом, что все было бы иначе, если бы приняли его план широкого привлечения на Дальний Восток американского капитала, как якобы «нейтрального».

разоблачения «безобразщины», в них незаметно. И хотя в целом статьи *Nemo* были благоприятны Витте, они содержали упрек и в его адрес: почему же министры, несогласные с линией Безобразова, не ушли в отставку.³³ Но на этот вопрос, возникавший в печати и ранее, Витте уже дал ответ через одного из связанных с ним публицистов — А. Е. Конкевича («Беломора»)³⁴. Смысл этого ответа сводился к тому, что при самодержавии министры не уходят в отставку, а ждут, пока их уволят. Резонанс, который получили статьи *Nemo*, был тем значительней, что их печатание началось вскоре после Мукдена, а кончилось уже после Цусимы. Петербургские, московские и провинциальные газеты перепечатывали их или излагали.

Был ли Витте причастен к появлению статей *Nemo*? Нам представляется, что был, хотя свидетельствами или доказательствами этого мы не располагаем. Тот же факт, что он хранил эти статьи в своем архиве и использовал их в своей дальнейшей публикационной деятельности (о чем речь пойдет ниже), таким доказательством считаться не может. Однако если взять газетную полемику вокруг причин русско-японской войны в целом или по крайней мере в пределах того круга статей, которые интересовали самого Витте и сохранились им в вырезках³⁵ (а мы по преимуществу так и поступаем), нельзя не прийти к убеждению, что закулисная роль его в этой полемике была весьма значительной.

Во Владивостоке еще только собирались начать публикацию серии статей *Nemo*, а в Петербурге обличение Безобразова и прочих уже начала после Мукдена газета «Рассвет». Ее издатель, кн. Э. Э. Ухтомский, был издавна близок к Витте, причем именно по части его дальневосточных предприятий. 10 (23) марта 1905 г. в № 10 «Рассвета» была опубликована статья за подписью «Львов». В этой статье, посвященной «тайне» возникновения войны, утверждалось, что русская дипломатия в сущности сорвала предложенные Японией в ноте от 31 июля (13 августа) 1903 г. переговоры о признании Кореи сферой японского влияния, а Маньчжурии — русского. Причем подразумевалось, что это одна из важных причин войны. Петербургский журналист Л. М. Клячко (если мы правильно раскрыли псевдоним «Львов») был одним из литературных агентов Витте. Впрочем, японская нота, которую он имел в виду, и документы о последовавших за ней переговорах

³³ Владивосток, 8 мая 1905 г.

³⁴ Там же. Кстати сказать, по сообщению Беломора выходило, что свою версию всей дальневосточной проблемы Витте сообщил ему еще в 1898 г. Она сводилась к тому, что детище Витте — Китайско-Восточная ж. д. нужна и хороша, а все остальное — авантюра. В 1898 г. понятие «авантюра» относилось к занятию Порт-Артура, а впоследствии Витте распространил это на все прочие меры на Дальнем Востоке, которые он не одобрял.

³⁵ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 700.

содержались в изданной в русском переводе японской Белой книге (об издании этом будет сказано ниже). Но обратить на это внимание и придать всему эпизоду ту значительность, с которой он был в статье подан, должен был кто-то весьма осведомленный, знающий гораздо больше, чем можно было узнать из японской Белой книги. Конечно, может быть, и не Витте был этим человеком. Но впоследствии в «Возникновении русско-японской войны» эпизод этот занял столь значительное место и ему придавалось такое важное значение, что трудно предположить, чтобы для Витте происхождение этой статьи было такой же редакционной тайной газеты «Рассвет», как и для прочих современников. Тем более, что сразу же вслед за тем в четырех номерах «Рассвета»³⁶ была напечатана пространная статья Колышко-Рославлева,³⁷ которая в значительной части (в первых трех номерах) представляла собой как бы краткое изложение «Возникновения русско-японской войны». Знакомство Колышко с собранными Витте документами выдавали не только явственные следы его «заглядывания» в них, но и нарочитые требования опубликования документов, как бы обращенные к официальным сферам. Виттевская версия в полную силу звучала в статье Колышко. Железной дороге через Сев. Маньчжурию отводилась роль чуть ли не миротворческая: это ведь было предприятие Витте, а все остальное — от занятия Порт-Артура до безобразовских концессий — безоговорочно клеймилось. Высмеивая безобразовские «концессии»-«заслоны», Колышко язвительно писал: «Надев на политические замыслы наши коммерческий кафтан, мы решительно никого не обманули, кроме самих себя». Полемизируя с «Новым временем», которое объясняло происхождение войны пресловутой «исторической миссией России на Дальнем Востоке», Колышко, не отрицая этого, видел всю беду в «чересчур поспешном ее выполнении».³⁸ Конечно, на самом деле это-то и показывало полную беспредметность всей этой полемики, в которой между позициями обеих сторон потому, собственно, и не было принципиальной разницы, что не было ее и между дальневосточной политикой Витте, с одной стороны, и его противников —

³⁶ Рассвет, 19 марта (1 апреля), 20 марта (2 апреля), 23 марта (5 апреля), 25 марта (7 апреля) 1905 г.

³⁷ Еще в бытность свою министром путей сообщения Витте, по просьбе кн. В. П. Мещерского, способствовал карьере И. И. Колышко, который состоял чиновником особых поручений при министре. Позже он часто прибегал к его помощи как журналиста. После выхода в свет «Воспоминаний», которыми И. И. Колышко счел себя задетым, он выступил как бы с контрмемуарами в виде памфлета, в саркастических тонах рисующего политическую карьеру Витте. Как видно из этой брошюры, Колышко был весьма близок к Витте и, в частности, составлял по его поручению «конфиденциальную записку царю» и «доклад для публики» в связи с манифестом 17 октября (Ба ян. Ложь Витте. «Ящик Пандоры». Berlin, стр. 30—31).

³⁸ Рассвет, 23 марта (5 апреля) 1905 г.

с другой. Наглядной демонстрацией этого явилась статья без подписи, напечатанная в трех номерах «Московских ведомостей»,³⁹ редактор которых Грингмут вел активную кампанию против Витте «справа». На вопрос: «Кто виноват?», поставленный в заголовке, статья отвечала, что виноват Витте. Совершенно теми же приемами, что и Колышко относительно безобразовских предприятий, «Московские ведомости», по-видимому, в ответ на его статью в «Рассвете» доказывали, что к войне привели Китайско-Восточная ж. д. и другие дальневосточные предприятия Министерства финансов, т. е. Витте.

Витте, конечно, употребил для опровержения этих статей весь арсенал своих средств. Прежде всего экономист и публицист А. Н. Гурьев поместил в «Русских ведомостях» серию больших статей «О возникновении русско-японской войны».⁴⁰ Хотя составление «Возникновения русско-японской войны», если судить по предисловию к нему, еще не было начато, Гурьев тем не менее уже вполне владел материалом того произведения, которое ему предстояло впоследствии написать. Его статьи представляли собой краткий вариант «Возникновения», обильно оснащенный ссылками на документы. Что Витте стоял за спиной Гурьева — в этом мало для кого могли быть сомнения. Его еще в бытность Витте министром финансов называли «пером министра».⁴¹ Статьи Гурьева появились сейчас же после Цусимы. В этот момент наивысшего обострения полемики «Рассвет», продолжая держать сторону Витте, устами Колышко-Рославлева категорически объявил поражение России «плодами политики» Безобразова и его сподвижников.⁴² Одновременно здесь же был напечатан дневник некоего лица, прибывшего в Порт-Артур за год до войны.⁴³ По своей направленности дневник совпадал, или, как указывалось в газете, «вполне гармонировал», со статьями Нето. Как и статьи Нето, «Дневник порт-артурца» был широко перепечатан другими газетами.

Тем временем газетный спор о виновниках войны продолжался. «Новое время» теперь считало главным виновником Безобразова, а «Слово» — Куропаткина. Интересам Витте отвечало и то и, в известной мере, другое. Развита и сформулированная позднее его

³⁹ Московские ведомости, 23 апреля (6 мая), 25 апреля (8 мая), 27 апреля (10 мая) 1905 г.

⁴⁰ Русские ведомости, 18, 20, 25, 27 мая 1905 г.

⁴¹ После опубликования статей Гурьева прошло около полугода, Витте был уже премьер-министром, а Гурьев фактическим редактором виттевского официоза «Русское государство», когда Витте пришлось отвечать перед царем сразу и за статьи Гурьева и за прежнее свое ему покровительство. См.: ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 233 (Всепопданнейший доклад Витте 29 января 1906 г.).

⁴² Рассвет, 19 (1 июня) 1905 г.

⁴³ Рассвет, 18 (31) мая и 21 мая (3 июня) 1905 г.

версия исходила в сущности из одного предположения: единственный, кто был полностью прав, это он сам. Поэтому и Куропаткин, который на самом деле стоял гораздо ближе к нему, чем к Безобразову, оказался у Витте в числе виновников войны постольку, поскольку расходился с ним во мнениях.⁴⁴ В разгар спора между «Новым временем» и «Словом» Витте и решил углубить столь выгодное ему русло этого спора. В «Рассвете» появился посвященный этому предмету фельетон Колышко-Рославлева. Колышко обвинял Куропаткина уже и в прежней своей статье. Теперь он опирался на всеподданнейшую записку Куропаткина, составленную после возвращения из поездки в Маньчжурию. Экземпляр этого документа Колышко несомненно получил из рук Витте. С помощью этой записки он изображал Куропаткина не принципиальным противником, а лишь конкурентом Безобразова (что, по справедливости говоря, относилось и к самому Витте). Фельетон кончался ответом на поставленный в заглавии вопрос: «Кто более?». Ответ этот гласил: «Судите теперь, кто более виноват в войне... Думается, — оба».⁴⁵ И это само по себе было Витте наруку. Что же касается роли Куропаткина, то он всегда впоследствии изображал ее именно таким образом. Понятно поэтому, что во всех изложениях виттевской версии происхождения войны, как публиковавшихся за его собственной подписью, так и негласно им инспирированных, этот фельетон занимал видное место.

Витте не пренебрегал никакой возможностью, чтобы пустить в обращение через различные печатные каналы угодные ему версии. Даже короткое и бурное время своего премьерства он использовал в этих целях, продолжая, в частности, установленный им еще раньше контакт с немецким журналистом А. Полли, директором Петербургского корреспондентского бюро, автором изданной в 1906 г. в Германии книги «О русской революции и обновлении России».⁴⁶ Раздел, которым открывалась книга, озаглавленный «Русско-японская война и ее причины», состоял из шести писем-статей, написанных в апреле 1905 г. Этот раздел, а вместе с ним и вся книга, открывался постановкой вопроса о виновниках войны. Представлял он собой словно краткий вариант на самом деле еще не написанного «Возникновения русско-японской войны». Речь шла и об истории безобразовских концессий и о роли Плеве в поощрении «безобразовщины». Замешанными оказывались все, кроме Витте, который с самого начала предупреждал обо всех опасностях. Железнодорожные предприятия Витте на Дальнем Востоке Полли оценивал, разумеется, одобрительно. Но затем-де сказался «бюрократический режим», «черствый эгоизм погубил интересы отече-

⁴⁴ См., например: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 178—182 и др.

⁴⁵ Рассвет, 11 (24) июня 1905 г.

⁴⁶ A. Polly. Zu Russlands Revolution und Neugeburt. Leipzig, 1906.

ства», началась безобразовская «афера», которой и «объясняется все, что переживает сегодня Россия». ⁴⁷ Стремясь представить и революцию как последствие «безобразовщины», стоявший за спиной Полли Витте пытался использовать в своих целях широко распространенный тогда в буржуазно-помещичьем лагере взгляд, согласно которому революция возникла исключительно под влиянием русско-японской войны, взгляд, который, отметим кстати, оказал большое влияние на буржуазную историографию вплоть до современной. Конечно, взгляд этот, игнорирующий социально-экономические корни революции, ее исторически закономерный и неизбежный характер, ничего общего с наукой не имел.

Фигура Витте как вдохновителя этого сочинения проглядывала сквозь очень уж прозрачные комплименты, которые делал ему автор. «Нижеследующее изложение, — провозглашал Полли свою цель, — должно показать, какую тяжелую и всеобъемлющую борьбу должен был вести ясновидящий государственный муж . . . против подводных течений, которые грозили воспрепятствовать и придать противоположное направление его работе, а также, что в роковых последствиях русской политики в Маньчжурии вины Витте нет». ⁴⁸ Следы знакомства с официальными документами минувших лет были в книге Полли еще значительнее, чем в статьях Колышко. Он и сам заявлял в предисловии, что дает «изложение надежных ведомственных откровений» и должен был бы поблагодарить поименно «высоких государственных сановников», снабжавших его информацией и помогавших ему иными путями, но не делает этого, так как их много и «из уважения» к их высоким постам. ⁴⁹ По-видимому, роль Витте в этом деле, действительно, не осталась тайной или загадкой. И хотя нам в точности неизвестна газетная и иная реакция на книгу Полли, судя по отклику на нее Витте, она недвусмысленно касалась именно его причастности к этой книге, а раз так — то должна была быть особенно для него неблагоприятна ввиду того, что в книге Полли очень уж настойчиво склонялся на разные лады «бюрократический режим». В течение полугода Витте никак не откликнулся на эту книгу, вышедшую в конце мая 1906 г. (когда Витте уже около месяца как перестал быть премьером) и сейчас же полученную им от Полли с дарственной надписью. И вдруг он (с явной целью опровергнуть какие-то сообщения, возлагающие на него ответственность за книгу Полли) передал по телеграфу специальное заявление в «Frankfurter Zeitung», напечатанное 3 (16) ноября 1906 г. Прежде всего он утверждал, что книги Полли не только не читал, но и «не видел». Он, однако, не допускает, чтобы автор утверждал или давал

⁴⁷ Там же, стр. 14.

⁴⁸ Там же, стр. 15.

⁴⁹ Там же, стр. 5—6.

понять, что получил от него, Витте, «секретные сообщения или документы».

Обычно Витте, если подобные его действия получали огласку, совершенно отрекался от использованного им в своих целях человека. Хотя о Полли он не сказал ничего резкого, того возмутило и это заявление Витте, «понять смысл и цель которого не удалось» не только ему самому, но и никому из тех лиц, к которым он за этим обращался. Он собственными руками отправил Витте один из первых экземпляров своей книги со словами благодарности за помощь в ее написании, а Витте теперь заявляет, что он ее никогда не видел! И взволнованный немец немедленно обратился к Витте с открытым письмом, в котором обстоятельно изложил историю появления своей книги.⁵⁰

«В книге нет ничего, кроме объективной оценки Вашей политической личности и восхваления Вашей восточно-азиатской политики, как это признает и „Frankfurter Zeitung“ в примечании к опубликованной телеграмме, — писал он. — ...Первый раздел книги, состоящий из шести писем, содержит изложение причин и происхождения русско-японской войны. Сделано это главным образом на основании материалов, которые были мне переданы по Вашему поручению одним высшим чиновником Министерства финансов, состоящим на службе и поныне, причем было ясно указано, что эти материалы предназначены мне одному и никакому другому публицисту не должны быть доступны. Одновременно этот же чиновник поручил одному из самых высокопоставленных своих помощников, который также состоит на службе и поныне, оказать мне помощь переводом означенных материалов. Я тогда же письменно засвидетельствовал Вашему превосходительству свою благодарность за этот доверительный акт, равно как и посреднику, которому я выразил это еще и устно. Как в бытность Вашу председателем Совета министров, так и до этого Ваше превосходительство сначала лично, а позже через то же доверенное лицо, пользовались моими услугами».⁵¹ В свете этого письма двусмысленность заявления Витте во «Frankfurter Zeitung» становится столь же ясна, как и происхождение книги Полли. Какие же именно «материалы» побывали в руках Полли и послужили ему источником? Основываясь на тексте соответствующего раздела его книги, в котором сжато (около 25 страниц) изложена виттевская версия истории дальневосточного вопроса, мы считаем вероятным, что, помимо тех официальных документов, которые легли затем в основу «Возникно-

⁵⁰ Письмо это от 9 (22) ноября 1906 г. известно нам по копии на немецком языке в фонде Витте, озаглавленной «Открытое письмо в копии» (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 459). Было ли оно автором где-либо напечатано и действительно ли являлось в силу этого открытым, нам неизвестно.

⁵¹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 459.

вения русско-японской войны», Полли имел в своем распоряжении и собственноручные записи Витте, позже использованные непосредственными составителями этой рукописи. Не исключено, что одновременно с Полли пользовался этой шпаргалкой и Колышко, статьи которого в «Рассвете» были написаны по той же схеме.

Но «услуги» Полли и тому подобные вещи были сущими пустяками по сравнению с тем, как стремился Витте использовать положение председателя Совета министров для обеспечения безраздельного торжества своей версии, причем не организацией новых выступлений в свою пользу в публичной полемике, а путем административного прекращения публикационной деятельности своих оппонентов.

К моменту прихода Витте к власти «безобразовцы» уже кое-что в этом смысле успели сделать. В 1904 г. Особый комитет Дальнего Востока, который, как известно, был создан царем в качестве их оплота, издал в переводе на русский язык английскую Синюю и японскую Белую книги.⁵² В обеих этих публикациях роль русской дипломатии накануне войны, естественно, выставлялась в самом неприглядном виде, а «безобразовцам» это-то и было выгодно: ведь речь шла о ненавистном им наряду с Министерством финансов Министерстве иностранных дел. Затем в мае 1905 г. как бы в продолжение первого своего издания «безобразовцы» выпустили «на правах рукописи» в нескольких сотнях экземпляров сборник дипломатических документов о переговорах с Японией.⁵³ О появлении сборника Витте сейчас же написал Ламздорфу. Ламздорф, уже знавший об этом, поблагодарил Витте «из глубины души» и сейчас же условился о свидании. Хоть Ламздорф и писал Витте, что сборник-де «странная книжка» и что из него «явствует какой-то сумбур, действительно ставящий в щекотливое положение, но не именно Министерство иностранных дел»,⁵⁴ именно это министерство ответило на сборник специальной запиской, изданной также «на правах рукописи».⁵⁵ В записке «безобразовцам» предъявлялось

⁵² Материалы по Дальнему Востоку. I. Маньчжурия и Корея. Английская Синяя и японская Белая книги. 1901—1904. Издание Канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб., 1904. Редактировавший переводы А. И. Гиппиус издал затем английскую Синюю и японскую Белую книги с приложением некоторых русских документов: А. И. Гиппиус. О причинах нашей войны с Японией. С приложениями (документы). СПб., 1905.

⁵³ Документы по переговорам с Японией 1903—1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. Печатано в Санктпетербургской синодальной типографии. Сборник этот известен под именем «Малиновой книги».

⁵⁴ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 340. Ламздорф — Витте, 15 мая 1905 г.

⁵⁵ Записка по поводу изданного Особым комитетом Дальнего Востока Сборника документов по переговорам с Японией 1903—1904 гг. Составлена в Министерстве иностранных дел. СПб., 1905, Типография Министерства финансов.

обвинение в неполноте и тенденциозности подбора документов, а также в их фабрикации, с ехидным упоминанием о том, что никакого Особого комитета Дальнего Востока вообще не существовало и не существует, а под видом его действуют двое подручных Безобразова — Абаза и Матюнин. С другой стороны, составители записки против собственной воли придавали особую значительность сборнику «безобразовцев», обвиняя их в опубликовании секретных документов самого царя, имевших непосредственное отношение к возникновению войны. Записка на основании документов сборника предъявляла Абазе обвинение в самозванном вмешательстве в переговоры с японским послом в Петербурге накануне самой войны, что-де способствовало ее развязыванию. Через несколько дней все экземпляры сборника были конфискованы.⁵⁶ По-видимому, Витте и Ламздорф встречались недаром. Но и независимо от выступления Министерства иностранных дел сборник, даже если бы он не был конфискован, не мог бы полностью удовлетворить «безобразовцев», так как ни хронологически, ни тематически не охватывал всего круга спорных вопросов, касаясь лишь дипломатических переговоров накануне войны. Поэтому они предприняли в свое оправдание составление довольно обширной рукописи. Рукопись эта, основанная на хранившихся в Особом комитете Дальнего Востока документах, главным образом журналах междуведомственных совещаний (они были, разумеется, и у Витте), была написана с явной целью доказать, что виновники войны — Витте и Ламздорф, причем Витте отводилось, конечно, первое место.⁵⁷ В отличие от статей о причинах войны, инспирированных Витте, и предыдущих публикаций безобразовцев, где вопрос об агрессивности Японии в сущности игнорировался, в этой рукописи ему уделялось некоторое внимание. Делалось это для того, чтобы представить безобразовские предприятия «заслоном» от Японии, который и сыграл бы предначертанную ему роль, если бы Витте с Ламздорфом не мешали Безобразову и не срывали его замыслов. В некоторых местах своей рукописи «безобразовцы» применяли в качестве полемического приема отрицание принципиальной разницы между собой и своими противниками. Например, упомина-

⁵⁶ Новая Русь, 22 декабря 1909 г. (4 января 1910 г.). Впоследствии «Малиновая книга» и записка были изданы В. Л. Бурцевым за границей: В. Л. Бурцев. Царь и внешняя политика. Виновники русско-японской войны. По тайным документам: записке гр. Ламздорфа и Малиновой книге. Берлин, 1910.

⁵⁷ Рукопись была разбита на восемь глав: Государственные задачи России в связи с постройкою Великого Сибирского пути; Попытки вневедомственных лиц предотвратить войну с Японией; Первое особое совещание министров 26 марта 1903 г.; Второе особое совещание министров 7 мая 1903 г.; Совещания в Порт-Артуре 18—28 июня 1903 г.; Учреждение наместничества; Особый комитет Дальнего Востока; Русско-японские переговоры 1903—1904 гг.

лось, что на совещании министров 7 мая 1903 г. Витте сам признал, что никаких принципиальных разногласий по вопросу о предприятиях в Корее у него с Безобразовым нет. И Витте, сделав против этого места помету: «неправда», ничем не мог подтвердить ее, кроме того, чтобы тут же повторить: «неверно».⁵⁸ А далее в ответ на термин «военная партия», применявшийся Витте и Ламздорфом к группе Безобразова, в рукописи утверждалось: «На самом деле было бы правильное окрестить так называемую „мирную“ партию военной, а так называемую „военную“ мирной».⁵⁹ Как явствует из предисловия к рукописи, она была предназначена к изданию отдельной книгой. Но Безобразов, по-видимому, опоздал. Когда рукопись была завершена в декабре 1905 г., Витте-премьер был почти что всесилен. Его власть оставалась непоколебленной и в течение некоторого времени после этого, и добиться запрещения издания этой рукописи было ему совсем нетрудно. Ее машинописный экземпляр (120 страниц большого формата) сохранился в архиве Витте с многочисленными его пометами, сделанными почти на каждой странице в самой безапелляционной манере.⁶⁰ Несмотря на то что Безобразов фигурировал в рукописи в третьем лице, в описи архива Витте, которая составлялась при его собственном участии, рукопись эта, включенная в дело № 23 (это дело под названием «Непосредственная безобразовщина» имело собственную специальную опись), была озаглавлена: «Записка Безобразова по поводу событий, предшествовавших русско-японской войне, составленная в декабре 1905 г. с замет[ками] Витте».⁶¹ Указание в предисловии к рукописи о том, что речь идет о подготовленной к изданию книге, разумеется, игнорировалась.⁶²

⁵⁸ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 703, л. 22.

⁵⁹ Там же, л. 24.

⁶⁰ Там же, д. 703. Приводим здесь некоторые из помет Витте: «Авантюристические словоизлияния» (л. 35); «Адмирал Алексеев считал Безобразова человеком ненормальным» (л. 42); «Вследствие действий Безобразова Япония и начала войну» (л. 47); «... Государь явно стал на сторону вневедомственных безответственных лиц и довел дело до войны» (л. 84).

⁶¹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 678. «Дело № 23. Непосредственная безобразовщина» [опись].

⁶² Лишь в 1923 г. Безобразов опубликовал эту рукопись с очень значительными сокращениями в виде статьи во французском журнале «Le Correspondant» (Tome 291. Nouv. Série: 255, № 1456, 25 Mai 1923, стр. 577—615) под заглавием «Первопричины крушения России. Русско-японский конфликт. Неизданные секретные документы». В этой статье, написанной от первого лица. Безобразов сообщал, что его записка была в 1905 г. распространена в небольшом числе экземпляров «лишь между несколькими высшими должностными лицами», а издание ее было запрещено. Безобразов изображал дело так, что царь наложил на него обет молчания, а Витте, пользуясь этим, открыл против него яростную кампанию в газетах.

Но вот Витте перестал быть премьером, и положение резко изменилось. Инцидент с книгой Полли, например, если судить по характеру виттевского опровержения, оказался для него довольно рискованным. Это, однако, не заставило Витте прекратить работу над «Возникновением русско-японской войны» или хотя бы отказаться от публикационных планов, связанных с этой темой. В апреле 1907 г. рукопись была завершена.⁶³ Описание ее, данное в комментариях к т. 2 «Воспоминаний», а главное — то обстоятельство, что в конце концов рукопись эта оказалась опубликованной, дают нам возможность ограничиться лишь самой краткой ее характеристикой. По своему построению, по способу изложения и характеру содержания рукопись «Возникновение русско-японской войны» имела много общего с «Запиской Безобразова». Как и Безобразов в «Записке», Витте в «Возникновении» фигурировал в третьем лице. Собранные им документы по дальневосточным делам иногда пересказывались, иногда полностью или частично приводились один за другим. Значительное место среди них занимали и те документы, которые уже входили в состав обеих «исторических справок», упоминавшихся в предисловии к рукописи. Так называемый авторский текст, кого бы ни считать автором — Витте или его помощников, — занимал в рукописи незначительное место.⁶⁴ Ее несложная цель — обеление Витте и очернение всех его противников — осуществлялась таким подбором документов и способом их изложения, при котором аргументация Витте оказывалась представленной полностью, а доводы его противников по большей части в изложении документов министерств финансов и ино-

⁶³ Рукопись хранится: ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 299—301. Первый и второй тома рукописи соответственно — дд. 299 и 300. Том третий (д. 301) состоит из шести приложений. В их числе: Историческая справка о важнейших для России событиях на Дальнем Востоке в трехлетие 1898—1900 гг. Составлено в канцелярии министра финансов. СПб., 1902; Историческая справка о важнейших для России событиях на Дальнем Востоке в четырехлетие от 1900 до 1903 гг. Составлено Покотиловым. [Машинопись, слова: «составлено Покотиловым» рукой Витте]; Историческая справка о сооружении Великого Сибирского ж.-д. пути. Составлено в общей канцелярии министра финансов. СПб., 1903; «По маньчжурскому вопросу» [Записка Куропаткина с сопроводительным письмом к царю от 23 ноября 1903 г. На полях пометы Витте, сделанные после русско-японской войны в опровержение мыслей Куропаткина]. Помимо того, в качестве приложений даны машинописные копии упоминавшихся сборника документов, изданного Особым комитетом Дальнего Востока в 1905 г., и направленной против него записки МИД. Витте, по-видимому, сдал принадлежавший ему экземпляр сборника при его конфискации, но сохранил машинописную копию, заготовленную заблаговременно, так как о конфискации он, конечно, не только знал заранее, но и сам ее добивался.

⁶⁴ Лишь сведения об отдельных фактах основаны исключительно на личных воспоминаниях. Например, эпизод с ролью Витте в получении согласия китайской стороны на занятие Порт-Артура, его ссора и примирение с Муравьевым и т. д. (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 299, стр. 123—124).

странных дел, неизменно составлявшихся в самом неблагоприятном для противников Витте духе.⁶⁵ Рукопись была разбита на 22 главы.⁶⁶ Главными виновниками войны изображались Безобразов и его приспешники. Однако и Куропаткину отводилось значительное место. В тексте было много прямых упоминаний о Николае II, фактов, нелестно его характеризующих. А кончался он прямым выпадам против царя в форме рассказа о его самоуверенности и близорукости. Последняя фраза рукописи, за которой следовала собственноручная подпись Витте, гласила: «Насколько государь император не ожидал разрыва, видно из того, что в сентябре месяце он уехал в Дармштадт и вернулся в Петербург поздней осенью. Когда император Вильгельм предупреждал его в Дармштадте, что японцы энергично готовятся к войне, его величество отвечал, что войны не будет, потому что он воевать не хочет».⁶⁷

Оставить рукопись такого содержания лежащей безо всякого применения Витте, конечно, не желал. Но и публиковать ее было пока что невысказано. Оставался прежний путь издания инспирированных произведений, по которому Витте и пошел далее. На сей раз он воспользовался услугами весьма мало тогда известного молодого журналиста Б. Н. Демчинского. Его отец, Н. А. Демчинский, был тесно связан с Витте. Будучи газетным корреспондентом в действующей армии во время русско-японской войны, он регулярно частным образом информировал Витте о военных событиях. В 1908 г. Б. Демчинский выпустил в Петербурге небольшую книгу «Россия в Маньчжурии», которая, как указывалось в подзаголовке, была написана «по неопубликованным документам». Это было краткое, литературно переработанное изложение «Возникновения русско-японской войны» с той только поправкой, что во второй главе (их было всего две) наличествовали некоторые личные маньчжурские впечатления автора и кое-какие собранные им там документы, подтверждавшие содержание материалов, полученных

⁶⁵ Хотя один из докладов Безобразова был включен в рукопись по имевшемуся у Витте его конспекту.

⁶⁶ Их названия: Сооружение Сибирской магистрали; Симоносекский договор; Русско-Китайский банк; Северная Маньчжурская железная дорога; Занятие Порт-Артура; Сооружение железной дороги на Порт-Артур и порта Дальнего; Корея; Возникновение недоброжелательных отношений Китая к России; Боксерское движение; Оккупация Маньчжурии; Миссия маркиза Ито; Военно-политические взгляды генерала Куропаткина; Поездка министра финансов на Дальний Восток и обсуждение вопроса о заселении Маньчжурии; Политико-промышленная авантюра на Дальнем Востоке; Возобновление переговоров с Японией по корейским делам; Первая поездка Безобразова на Дальний Восток; Пересмотр вопроса об эвакуации Маньчжурии; Обсуждение роли концессии на Ялу; Дальнейшее развитие предприятия на Ялу; Порт-Артурские совещания по делам Дальнего Востока; Записки по делам Дальнего Востока военного министра и министра финансов; Разрыв с Японией.

⁶⁷ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 300.

от Витте, в частности об отношениях русских военных властей с местным населением. Рукопись «Возникновение русско-японской войны» была использована Демчинским весьма тщательно. Упоминания о царе были, конечно, опущены или замаскированы. Сам Витте на страницах книги Демчинского также фигурировал гораздо реже, чем в рукописи «Возникновения». Но зато во вступлении Демчинского апологетическая линия Витте была сформулирована со всей журналистской непосредственностью и даже известной литературной яркостью. Прежде всего Демчинский объявил формулу «дальневосточная авантюра» неприменимой к Маньчжурии, но зато целиком применимой к Корее. Что же касается политики России в Маньчжурии, то он возражал против того, что она также «подлежит анафеме». Во-первых, Япония ведь была готова уступить России Маньчжурию в обмен за признание японского господства в Корее, и Демчинский сожалел, что Россия на это не пошла.⁶⁸ При этом он противоречил другому своему утверждению: «Мы довольно постыдно отступили из Кореи».⁶⁹ Это противоречие и выдавало всю несостоятельность виттевской версии. Во-вторых, Япония-де выделяла из русских предприятий на Дальнем Востоке «солидные», с которыми она примирилась и против которых якобы ничего не имела. Именно таким предприятием оказывалась, разумеется, Китайско-Восточная ж. д., антиподом которой представлялась концессия на р. Ялу. Впрочем «авантюры», оказывалось, были не только в Корее, но и в Маньчжурии, это — занятие Квантуна и оккупация Маньчжурии, т. е. то, чего, как известно, шумно не одобрял Витте.⁷⁰ Если сопоставить рассуждения Демчинского с такой, например, пометой Витте на полях «Записки» Безобразова: «Да, Порт-Артур и его последствия могли вести к войне — и Япония помирилась с этим, но ценою, чтобы мы оставили Корею под ее влиянием»,⁷¹ то легко представить себе, что она и явилась их источником.

Прошло всего несколько месяцев после выхода книги Демчинского, как Витте затеял новое литературное предприятие, на сей раз направленное преимущественно против Куропаткина. Чтобы поставить под сомнение славу Витте как человека, заключившего мир с Японией, его противники заявляли теперь, что необходимости в мире не было, так как русская армия была-де готова продолжать войну. В ответ на это Витте заявил нескольким членам Государственного совета, что в свое время Линевиц и Куропаткин ничего подобного о готовности армии не говорили. Куропаткин

⁶⁸ Б. Демчинский. Россия в Маньчжурии. СПб., 1908, стр. 9.

⁶⁹ Там же, стр. 46.

⁷⁰ Там же, стр. 10 и сл.

⁷¹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 703, л. 53.

обратился к Витте с протестующим письмом,⁷² и между ними началась «война документов».⁷³

По-видимому, именно в это время Гурьев получил от Витте предложение заняться составлением контрсочинения по поводу четвертого тома изданного Куропаткиным в 1906 г. секретным образом отчета о русско-японской войне (том этот, носивший название «Итоги войны», был переиздан за границей, и извлечения из него попали в русскую печать). Гурьев в своем ответе на предложение Витте исходил из того, что поручаемое ему сочинение в отличие от «Возникновения русско-японской войны» предназначено к опубликованию в недалеком будущем под собственным именем Витте, как это в действительности и произошло, и потому должно быть совершенно верноподданническим. «Куропаткин построил свою историю возникновения войны на тезисе: „Государь и Куропаткин не желали войны“. Следует изложить дело по тезису: „Государь и Витте не желали войны“, — писал Гурьев Витте, излагая программу его, Витте, будущей книги, и поспешно добавлял: «Как это и было в действительности». Сознвая выгоду своего положения как человека, хорошо знающего весь виттевский материал, Гурьев беззастенчиво торговался, требуя, чтобы отставной министр за службу пером устроил банковскую поддержку очередному его, Гурьева, коммерческому предприятию, без чего он-де не сможет немедленно приступить к делу.⁷⁴

В июне 1909 г. Витте подписал готовый текст, напечатанный на правах рукописи за его собственный счет. Помимо вопроса о виновниках войны, изложенного совершенно в духе предложенной Гурьевым программы, с некоторыми заимствованиями из «Возникновения русско-японской войны», в нем опровергались и утверждения Куропаткина относительно недостаточности ассигнований на военные мероприятия на Дальнем Востоке и ответственности за это Витте, что, впрочем, также предусматривалось программой Гурьева, по-видимому полностью принятой Витте. Витте открыто брал на себя защиту от опровержений Куропаткина уже упоминав-

⁷² ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 715, л. 1 и сл. Куропаткин — Витте, 25 февраля 1909 г.

⁷³ Витте обратился с запросами к бывшим членам русской делегации в Портсмуте с тем, чтобы найти в их ответах подтверждение своей точки зрения. Но посол в США Розен, который в Портсмуте был у Витте почти что на посылах, теперь заявил, что он был тогда сторонником продолжения войны, и еще добавил, что президент Рузвельт потому и предложил свое посредничество, что был «превосходно осведомлен» о критическом положении Японии (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 715, л. 31). Впрочем, при перепечатке письма Розена на машинке, видимо для рассылки в числе прочих документов, это место было просто опущено. Витте вычеркнул его в подлиннике (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 715, л. 9; ср.: л. 31).

⁷⁴ Там же, д. 407.

шегося нами фельетона Рославлева-Колышко в газете «Рассвет», тем самым выдавая свою причастность к его появлению.⁷⁵

В конце 1909—начале 1910 г. Витте снова усилил активность в распространении своей версии происхождения войны. В газете «Новая Русь» появилась серия из пяти статей за подписью «Радомир» под названием «Кто непосредственный виновник нашей войны с Японией».⁷⁶ Радомир, по нашему предположению — все тот же И. И. Колышко (он же — Баян, Рославлев, Рогдай), утверждал, что непосредственный виновник войны Абаза. В подтверждение приводилась история его вмешательства в русско-японские переговоры, уже изложенная в Записке Министерства иностранных дел. Куропаткина Радомир не задевал, но через несколько недель, в феврале 1910 г., Витте сделал это сам, причем в такой форме, что получил от него вызов на дуэль. Поводом к вызову послужила речь Витте в Инженерной академии в прениях по докладу генерал-лейтенанта Величко, который заявил, что Порт-Артур был слабо укреплен из-за «диктатуры металла, министра финансов», не дававшего достаточно денег. Витте в своей речи по существу огласил краткое содержание написанного Гурьевым ответа Куропаткину.⁷⁷ А через год последовало разрешение на свободное пользование изданной Витте брошюрой, и она была переиздана как общедоступная.⁷⁸

Собственно на этом ресурсы Витте по дальневосточному вопросу были исчерпаны. Все сколько-нибудь подходящие ведомственные материалы виттевской коллекции были использованы в печати и не по одному разу. «Возникновение русско-японской войны» неоднократно служило основой для различных печатных произведений. Единственное, что Витте оставалось — полностью напечатать эти «как бы мемуары». Но об издании «Возникновения» под собственным именем не могло быть и речи. И ему пришлось прибегнуть к услугам редактора журнала «Исторический вестник» Б. Б. Глинского, с которым он в 1912 г. заключил, как выражался Глинский, «соглашение» о передаче ему для опубликования в этом журнале под его, Глинского, именем ряда материалов из своего

⁷⁵ Вынужденные разъяснения графа Витте по поводу отчета генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией. СПб., Типография Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи. О финансировании Витте печатания этой брошюры см.: ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004. л. 88. Витте — Н. С. Поморину, б. д.

⁷⁶ Новая Русь, 18 (31) декабря 1909 г., 19 декабря 1909 г. (1 января 1910 г.), 20 декабря 1909 г. (2 января 1910 г.), 21 декабря 1909 г. (3 января 1910 г.), 22 декабря 1909 г. (4 января 1910 г.).

⁷⁷ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 960.

⁷⁸ Граф С. Ю. Витте. Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией. Типография т-ва И. Д. Сытина, М., 1911.

архива, в том числе и рукописи «Возникновения русско-японской войны». «Исторический вестник» был удобен Витте по двум причинам. Это был журнал исторический, как бы не касавшийся острых вопросов современности (на самом деле он их касался, и всегда в самом контрреволюционном духе) и, кроме того, обладавший совершенно определенной реакционной репутацией. Именно такой журнал и устраивал Витте в качестве его рупора. В течение 1912 и 1913 гг. в «Историческом вестнике» регулярно помещались статьи Глинского, представлявшие собой воспроизведение или изложение полученных от Витте материалов. «Возникновение» ожидало своей очереди до начала 1914 г. В течение всего этого года (№№ 1—12) оно печаталось под именем Глинского под названием «Пролог русско-японской войны». Во введении оң неопределенно писал о попавших в его руки «драгоценных материалах», которые он-де и публикует.

О том, что на самом деле Глинский не мог обойтись без полученной от Витте рукописи, свидетельствует следующий эпизод. В конце марта 1914 г., когда уже шло печатание «Пролога», Глинский обратился к находившемуся за границей Витте с просьбой о срочной присылке дубликата потерянной им страницы, судя по всему именно из той рукописи, по которой печатался «Пролог». Витте сначала думал, что ему не удастся сразу достать нужную страницу, потому что парижский банк, где хранились его бумаги (очевидно, «Лионский кредит», поскольку к делу был причастен барон дю Марэ), был на несколько дней закрыт.⁷⁹ Затем ему все же удалось с помощью некоего В. Иванова извлечь нужный отрывок текста, который был отправлен в Петербург.⁸⁰ По письму Иванова к Витте⁸¹ можно заключить, что хранившийся в банке текст имел не 22 главы, как известный нам машинописный текст «Возникновения», а не менее 26. Помимо того, запрошенная Глинским страница оказалась началом не 25-й главы, как это было в находившейся у Глинского рукописи, а 26-й. Таким образом, существовало по крайней мере три варианта этой рукописи. Один из них сохранился в фонде Витте в том виде, в каком был составлен в 1907 г. Второй — издан под именем Глинского. Третий же, хранившийся в Париже, послужил Витте, по нашему предположению, для французского издания, которое было предпринято под именем Пьера Марка одновременно с печатанием в «Историческом вестнике».⁸² Витте с самого начала имел в виду издание «Пролога»

⁷⁹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, л. 34. Витте — Поморину [не позднее 3 апреля 1914 г.].

⁸⁰ Там же, л. 40. Витте — Поморину, 3 апреля [1914 г.].

⁸¹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1006. В. Иванов — Витте, 3 (16) апреля 1914 г.

⁸² *Études sur l'histoire de l'Europe orientale. Publiées par M. le Prof. Dr. Uebersberger, Vienne. II. Quelques années de politique internationale.*

отдельной книгой и на русском языке.⁸³ Однако Глинский сделал это лишь через год после его смерти.⁸⁴ Книга отличалась от журнального варианта лишь исключением статей *Nemo*, которые в одном из номеров журнала были воспроизведены.⁸⁵ В своем предисловии Глинский заявлял, что получил «материалы» от Витте в 1912 г. Но что «материалы» представляли собой готовую рукопись, которую Витте считал частью своих мемуаров, об этом Глинский не упоминал.⁸⁶ В предисловии к книге указывалось, что полученные от Витте «материалы» перед их опубликованием в «Историческом вестнике» подверглись «редакторской обработке и . . . некоторым сокращениям в специальных технических частях». Сличение рукописи «Возникновение русско-японской войны» с текстом «Пролога» дает возможность установить, что «редакторская

Antécédents de la guerre russo-japonaise par Pierre Marc. K. F. Koehler, éditeur, Leipzig, 1914. Б. А. Романов в своей работе «Витте и концессия на р. Ялу» (в кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, стр. 442—443) произвел сопоставление французского издания с русским. К этому сопоставлению мы читателя и отсылаем, добавив лишь, что в обоих изданиях было одинаковое число глав — 31, но в русском, в отличие от французского, главы не имели названий. Следует отметить, что не имея никаких сведений о судьбе архива Витте и зная о рукописи «Возникновение русско-японской войны» лишь по упоминаниям о ней в «Воспоминаниях», Б. А. Романов в этой же своей работе высказал мысль о том, что и русское и французское издания «Пролога» есть не что иное, как воспроизведение с некоторыми изменениями этой рукописи. Как видим, это предположение оказалось совершенно соответствующим действительности.

⁸³ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, л. 34. Витте — Поморину [не позднее 3 апреля 1914 г.].

⁸⁴ Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С. Ю. Витте с предисловием и под редакцией Б. Б. Глинского. Пгр., 1916.

⁸⁵ В описи д. № 23 виттевского архива против статей *Nemo* помета: «У Глинского» (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 678).

⁸⁶ Именно это, по-видимому, и ввело в заблуждение американского историка А. Малоземова, который хотя и называет «Пролог» «незамаскированной апологией Витте», считает его произведением Глинского, а самого Глинского, неизвестно почему, «либеральным историком». Принимая таким образом эту своеобразную часть виттевских мемуаров за принадлежащее перу Глинского историческое исследование, Малоземов даже производит историографическое сопоставление «Пролога русско-японской войны» с книгой Б. А. Романова «Россия в Маньчжурии» и, что совсем уж курьезно, ставит вопрос о том, кто более объективен, Глинский или Б. А. Романов. Причем влияние виттевской версии на Малоземова оказалось столь сильным, что он, признавая высокие исследовательские достоинства «России в Маньчжурии», все же решает свой совершенно нелепый вопрос в пользу книги Глинского — «она написана честно». Книга Б. А. Романова, по Малоземову, выиграла бы, если бы он не использовал «неблагоразумно составленных» документов для дискредитации «их авторов» (не Витте ли с Ламздорфом имелись тут в виду?) и вообще не ставил бы перед собой цели разоблачения политики Витте (А. Malozemoff. *Russian Far Eastern Policy 1881—1904*. Berkeley and Los Angeles, 1958, стр. 319). К сожалению, эти рассуждения, к которым, разумеется, нельзя относиться серьезно, не единственный пример недостаточной осведомленности А. Малоземова.

обработка», независимо от того, кто ее производил, привела к некоторому перераспределению материала внутри глав и между главами с изменением их числа и упразднением их названий. Отнюдь не только к «специальным техническим частям» относились и сокращения. Исключен был приведенный нами выше самый конец рукописи, направленный против Николая II. Вообще все, что в сколько-нибудь определенной форме относилось к царю, было исключено. Таким образом, в представлении Витте опубликование «Пролога» не означало окончательного разрыва с царем даже в том случае, если бы фиктивный характер авторства Глинского был бы разгадан. Те немногие места рукописи, которые носили характер личных воспоминаний и потому, войдя в «Пролог», выдавали бы Витте, были также опущены. Наиболее существенным сокращением явилось изъятие главы XII «Военно-политические взгляды генерала Куропаткина». Витте посвятил этому вопросу специальную книгу, в основу которой была положена уже использованная в 1905 г. Колышко записка Куропаткина, хранившаяся у Витте в копии с его пометами (также в копии).⁸⁷

Автором этой книги стал третьестепенный литератор В. И. фон Штейн, выступавший в качестве литературного агента Витте под псевдонимом «А. Морской» (это была его четвертая книга, написанная по заданию Витте).⁸⁸ Главы II—IV в сущности представляли собой изложение куропаткинской записки, которая в предисловии характеризовалась как уже «получившая распространение не только в высших сферах, но и за границей». Она рассматривалась в этом предисловии как «естественное введение» в куропаткинский отчет о войне с Японией, а «Военная мощь» как дополнение к «Вынужденным разъяснениям» Витте. В примечаниях приводились сделанные Витте в 1900 г. на полях куропаткинской записки пометы, которым и придавалось значение «замечаний и возражений графа С. Ю. Витте против задач великодержавной политики, какие ген.-ад. Куропаткин намечал для Российской Империи в XX в.».⁸⁹ Пометы эти не только не обнаруживали сколько-нибудь серьезной разницы принципиального характера между взглядами Витте и Куропаткина, но некоторые из них даже свидетельствовали о больших, по сравнению с куропаткинскими, аппетитах Витте. И хотя такого рода пометы были исключены

⁸⁷ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 269. На полях рукой Витте: «Замечания, сделанные в 1900 г. гр. Витте и одного из генералов (кажется, Драгомирова)». Последние два слова, заключенные в скобки, зачеркнуты.

⁸⁸ А. Морской. Военная мощь России. Предсказания генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина и их критика гр. С. Ю. Витте. Пгр., 1915. В молодости Штейн был чиновником Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, где, вероятно, и началась его связь с Витте, а затем стал постоянным сотрудником «Исторического вестника».

⁸⁹ А. Морской. Военная мощь России, стр. 126.

вместе с теми местами куропаткинского текста, к которым они относились, сочинение Морского в этом отношении показывало лишь, что министр финансов глубже, чем старый армейский служака, понимал империалистическую природу захватнической политики, которую оба они с одинаковым усердием проводили. Глава V представляла собой в сущности повторение виттевских «Вынужденных разъяснений», и, таким образом, лишь первая глава, содержащая справочные сведения о развитии вооруженных сил России и стран Западной Европы, была составлена Штейном-Морским не по материалам Витте. К началу первой мировой войны рукопись была в сущности готова. Вернувшись из-за границы после начала войны, Витте имел встречу со Штейном-Морским, в результате которой гл. V была дополнена небольшим разделом. Смысл его сводился к тому, что «тяготение к миролюбию», которое-де всегда проявлял Витте, вовсе не означает того, что он против начавшейся войны. Он всегда был за союз Франции, России и Германии, говорил он Штейну, и склонял к этому Вильгельма, но тот сорвал виттевский проект, после чего, и это подчеркивалось в специальном примечании, Витте «впал у него в немилость».⁹⁰ Книга, датированная 24 августа 1914 г., заканчивалась главой «Современное положение. Гадания о ныне развертывающейся мировой войне». Она вышла в свет в самом начале 1915 г., еще при жизни Витте или сразу же после его смерти. Во всяком случае в тексте речь идет о Витте как о лице действующем, и Штейн-Морской старательно подчеркивал, что его «труд носит вполне частный характер и предпринят на собственный страх и риск». Хотя тут же типичным для Витте неуклюжим негативным приемом давалось понять обратное: «Мы отнюдь не хотим . . . намекнуть на какую-либо связь с авторитетным источником, которому „Вынужденные объяснения“ обязаны своим появлением».⁹¹ Истинный характер последней инспирированной Витте книги должен был быть при желании всякому ясен.

Портсмутский мир

Как в рукописных заметках, так и в стенографических рассказах в тех разделах, которые относятся к Портсмутскому миру, Витте сделал оговорки относительно их содержания. Он заявлял, что будет описывать лишь внешнюю сторону своей поездки в Америку, не касаясь существа дела — дипломатической предыстории и истории русско-японских переговоров и Портсмутского мира. И тут, и там он объяснял это тем, что хранящиеся в его архиве материалы дают возможность эту историю полностью воссоздать. В рукопис-

⁹⁰ Там же, стр. 127—128.

⁹¹ Там же, предисловие.

ных заметках он писал о своем намерении привести эти материалы «в систематический порядок», а в стенографических рассказах речь идет об уже готовом «систематическом томе этих документов».⁹²

В фонде Витте, действительно, и поныне хранятся несколько экземпляров изданной Министерством иностранных дел «Оранжевой книги».⁹³ Из этого сборника, вышедшего в небольшом числе пронумерованных экземпляров и в сущности не увидевшего свет, Витте сделал, собственно, новую книгу, дополнив принадлежавшие ему экземпляры большим числом не вошедших в сборник документов. Но отослать читателя своих будущих мемуаров к лежащим в его архиве трем типографским экземплярам сборника с машинописными вставками-дополнениями Витте мог бы с полным правом только в том случае, если бы и сами мемуары предназначались лишь для хранения в том же архиве. Поскольку же это не так, резонно предположить, что произведенная им систематизация документов о Портсмутском мире рассматривалась им самим как подготовка к выступлениям в печати по этой теме. Случилось, однако, так, что сделанные Витте дополнения остались без употребления. По-видимому, они даже не были еще готовы, когда В. И. фон Штейн приступил к написанию брошюры о Портсмутской конференции.⁹⁴ Антирузвельтовская направленность этого сочинения, казалось бы неожиданная и несколько нелепая с точки зрения интересов Витте в карьерной возне и борьбе влияний на верхах российской бюрократии, на самом деле именно этими его интересами и была обусловлена. Дело в том, что как раз в это время значительно обострились русско-американские отношения. Основой этого обострения было империалистическое соперничество США и России на Дальнем Востоке. Внешним же его выражением явилась вспышка старого конфликта из-за непризнания русским правительством в качестве американских граждан приезжавших в Россию дельцов-евреев из числа российских уроженцев, эмигрировавших в Америку. Черносотенные круги устроили в этой связи шумную антиамериканскую кампанию. Для Витте, который, как мы уже установили, стремился в 1911—1913 гг. всемерно демонстрировать свою традиционную реакционность, было весьма естественно присоединить к общему хору и свой голос. Штейн-Морской служил здесь только рупором, и это обстоятельство, как засвидетельствовал впоследствии он сам, стало широко известно современникам (если не было предано огласке самим Витте).

⁹² С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 391, 416.

⁹³ Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая—3 октября 1905 г. СПб., 1906.

⁹⁴ А. Морской. Разочарования в честном маклерстве. Рузвельт и Портсмутские совещания. Типография Сытина, М., 1911.

Брошюра Морского включила в себя ряд газетных сообщений и документов из архива Витте, опубликованных ранее. Включение этих материалов, относившихся к довоенному и военному времени, имело своей целью лишний раз показать, что Витте предвидел гибельный для России характер войны и предотвратил бы ее, если бы оставался у власти. Что касается фактов, относящихся к дипломатическим переговорам в Портсмуте и к роли Рузвельта в заключении мира, то все они были заимствованы из «Оранжевой книги». На основании опубликованных в ней документов — телеграмм Рузвельта американскому послу в России, адресованных в сущности Николаю II, телеграмм Витте из Портсмута и др. Морской уличал Рузвельта в японофильстве, не только присущем ему вообще, но и проявленном в ходе переговоров. В брошюре специально подчеркивалось, что политика Рузвельта потерпела крах, так как не оправдался его расчет на «признательность Японии» и ее содействие в проникновении США на дальневосточные рынки.

Основной смысл брошюры состоял в том, чтобы уверить читателя, что Рузвельт был в Портсмуте не с Витте, а скорее против него. Эти несколько странные в своей запоздалости «разочарования в честном маклерстве» Рузвельта, кроме всего прочего, были косвенно связаны с прямым восхвалением Витте. Логика была здесь простой: раз Рузвельт был-де японофил, то Витте пришлось не только бороться с японцами, но и преодолевать недоброжелательство «честного маклера». Когда в этой роли выступал на Берлинском конгрессе Бисмарк, то русские дипломаты Горчаков и Шувалов проявили «малодушие», «все надежды и охрану русских интересов перелагали на Бисмарка, а потом негодовали за его будто бы предательство». Витте был им, конечно, не чета, и потому в Портсмуте все было иначе, там «сам С. Ю. Витте не плошал, никаким увещаниям нового честного маклера не поддавался и сумел отстоять русские кровные интересы от лжетолкований Рузвельта».⁹⁵ Словом, читателю предоставлялось огорчаться, что в 1878 г. Витте служил на железной дороге, а не представлял Россию на Берлинском конгрессе. А дальше следовал многозначительный и не лишенный двусмысленности комплимент в адрес «влиятельных сфер»: Витте-де добился мира благодаря «полному доверию» к нему со стороны «Петербургского кабинета», который «все время дружно шел рука об руку с уполномоченным и ... не портил ему игру излишними предубаждениями и предписаниями».⁹⁶ Если к тому же принять во внимание, что и заключение мира «развязало правительству руки и обеспечило ему возможность справиться с революцией», а в брошюре подчеркивалось, что это «ясно и понятно само

⁹⁵ Там же, стр. 46.

⁹⁶ Там же.

собою», то Витте опять-таки предстал в столь желанной для него роли душителя революции и спасителя самодержавия в таком страшном для царя и совсем недалеком прошлом.⁹⁷

В самой брошюре Штейна-Морского естественно нет прямых и бесспорных следов или доказательств ее инспирированности. Таким доказательством вряд ли можно считать использование документов «Оранжевой книги», о которой в брошюре нарочито туманно сказано, что она «хотя, кажется, и была напечатана, но в обращение не выпускалась».⁹⁸ Ведь получение от Витте экземпляра «Оранжевой книги» само по себе еще ни к чему не обязывало Штейна, да в конце концов он мог получить ее и из других рук.⁹⁹ Но в действительности в таких доказательствах нет никакой необходимости. В ходе дальнейшей публикационной деятельности Витте по портсмутской теме («Разочарованиями...» он не удовлетворялся) инспирированность этой брошюры была признана в печати самим Штейном, хотя и в невиданно своеобразной форме.

Произошло это следующим образом. «Разочарования» (а скорее сведения об их истинном происхождении) вызвали некоторый резонанс за границей, дошедший до самого Рузвельта. Рузвельт выразил свое недовольство. Тогда Витте по обыкновению, которого неуклонно придерживался на протяжении всей своей служебной карьеры и от которого не отказался и в отставке, немедленно отрекся от Морского, заявив, что «не считает себя ответственным за содержание брошюры».¹⁰⁰ Но покончить все дело на этом было уж очень не в правилах Витте, тем более, что слухи, связывавшие «Разочарования» с ним самим, были ему по крайней мере небезвыгодны. В следующем, 1912 г., в Лондоне вышел в свет мемуары Дж. Смолли, американского журналиста, состоявшего многолетним корреспондентом лондонской «Таймс», в том числе и в Портсмуте во время русско-японских переговоров. Мы не имеем оснований утверждать, что Витте оказал свое влияние и на эту книгу, но что он с самого начала своего знакомства со Смолли на пароходе по пути в Портсмут постарался расположить его в свою пользу — это несомненно. Как вспоминал позже сам Смолли, Витте, приглядев-

⁹⁷ Там же, стр. 7.

⁹⁸ Там же, стр. 22.

⁹⁹ Против этого последнего предположения говорят сведения о том, что в 1914 г. у Штейна все еще был на руках принадлежавший Витте материал о Портсмуте. «Отобрали ли Вы от Штейна данные, касающиеся Портсмута. Я боюсь, чтобы они не затерялись и не попали в несоответствующие руки», — писал Витте Поморину в одном из писем, датированном нами 1914 годом. «От Штейна нужно все-таки вырвать отданный ему через Глинского материал», — писал он в другом письме (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, лл. 105 и 106. Витте — Поморину, 24 июля, вторник [1914 г.] и вторник [1914 г.]).

¹⁰⁰ В. ф.-Ш. Воспоминания американца о Портсмутской конференции. Исторический вестник, 1912, сентябрь, стр. 993.

шись к нему и прошупав его «на нейтральной почве», уже на второй день заявил: «Вы едете в Портсмут и, конечно, захотите знать, что происходит. Если Вы понаведаетесь ко мне, я откровенно Вам скажу, что можно».¹⁰¹ Естественно, что Смолли был этим значительно приближен к Витте. Еще более укрепило их связь «многознаменательное обещание» Витте перед отъездом из Портсмута: «Если мы опять вместе будем возвращаться на пароходе, я многое в состоянии буду Вам рассказать, чего теперь касаться нельзя».¹⁰² Продолжалось ли знакомство Витте со Смолли, когда последний писал свои мемуары, нам неизвестно, но некоторые из его высказываний о Витте очень хорошо совпадают с тем, что сам Витте имел обыкновение о себе распространять. Это и фраза Витте, якобы сказанная им в Портсмуте: «Какое-нибудь внешнее отличие я, конечно, получу, но едва ли мне придется вернуться к широкой общественной деятельности», и риторический вопрос: «Да и нужны ли графу Витте внешний почет и отлички?», и упоминание о том, что «призванный затем к борьбе с революцией граф Витте сумел побороть и ее. . . но, выполнив эту огромную задачу, он опять вернулся в частную жизнь». Наконец, кончал Смолли свои воспоминания о Витте чуть ли не прямой рекомендацией его в министры, превоснося и «несравненные дарования. . . и дальновидную мудрость этого истинно-государственного человека», который к тому же обладает «бодростью и полнотой умственных сил».¹⁰³

Во всяком случае в популяризации воспоминаний Смолли Витте проявил большую заинтересованность. Уже летом 1912 г., т. е. вскоре после выхода книги Смолли, Витте дал Поморину следующее указание: «Я Вам посылаю книгу на английском языке. Сходите к Глинскому и скажите ему, что я его очень прошу поместить в переводе последнюю статью в этой книге, касающуюся моего пребывания в Америке. Книга эта принадлежит известному писателю Смаллею, переведена на другие языки и очень читается за границей. Мне интересно, чтобы русская публика ознакомилась с последней статьей. Я Смаллея видел в Портсмуте только раз, так как он явился доброжелателем японцев, а следовательно, нашим недоброжелателем».¹⁰⁴ Последняя фраза, если и не служила маскировкой причастности Витте к книге Смолли, то была во всяком случае живая и притом бессмысленная, так как сам Смолли не только упоминал, но и описывал в своей книге «ежедневные беседы» с Витте в Портсмуте.¹⁰⁵ К делу был опять привлечен Штейн,

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, стр. 1003.

¹⁰³ Там же, стр. 1008.

¹⁰⁴ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, л. 9. Витте — Поморину, 12 июля 1912 г.

¹⁰⁵ В. ф.-Ш. Воспоминания американца о Портсмутской конференции, стр. 998.

и оно не ограничилось одним только переводом Смолли. В сентябрьском номере «Исторического вестника» появилась подписанная инициалами Штейна статья, на которую мы уже ссылались. Ее цель состояла уже не только в том, чтобы ознакомить читателя с книгой Смолли, но и напомнить о «Разочарованиях» и о том, что за ними, что бы он там публично ни говорил, стоит сам Витте. Сделав вид, что он и Морской это совершенно разные лица, Штейн заявлял, что брошюра Морского «несомненно, представляет интерес, так как по более или менее достоверным слухам, ходившим в петербургском обществе, да и по самому содержанию своему брошюра эта, если не инспирирована самим графом, то заключает такие подробности, какие могло иметь лишь лицо, ознакомленное с перепискою графа».¹⁰⁶ Тут же Штейн шел еще дальше, заметив в скобках, что Морской, «как говорят», является «одним из многочисленных секретарей графа С. Ю. Витте».¹⁰⁷ «Самый факт прикосновенности автора брошюры... к его патрону, — продолжал Штейн свой маскарад, — побуждал его к осторожности и выдержанности. Иное положение американского корреспондента м-ра Смаллея: он мог высказать определенительно и ясно то, на что А. Морской только намекал».¹⁰⁸ Затем следовали обширные выдержки из книги Смолли, шедшие попеременно с не менее обширными перепечатками из «Разочарований», о которых Штейн с неуклонной последовательностью писал как о чужом сочинении. Откровенные панегирики Смолли и Морского были слиты здесь воедино. Но даже и этого оказалось недостаточно, и чья-то придирчивая рука (не самого ли Витте?) сделала к тексту Смолли в двух местах сами за себя говорящие примечания. Так, Смолли писал, что ему неизвестно, имел ли Витте до приезда в Америку «определенный и ясный замысел» переманить на свою сторону прессу, но сделал он это блестяще, «как бы по волшебству». В сноске к этим словам с неуклюжей прямою было сказано: «Пожалуй, Смаллей тут преуменьшает дальновидность графа Витте». Далее Смолли писал, что накануне конференции считалось, что Комура как дипломат опытнее Витте, и приводил распространенное мнение о том, что Комура графа Витте, как ребенка, проведет и обернет вокруг своего пальца. Уже следующая фраза Смолли начисто опровергала такое мнение («Эти отзывы подверглись в Портсмуте проверке и оказались ошибочными...»), но опровержение

¹⁰⁶ Там же, стр. 989—990. Близость Морского, т. е. свою собственную, к Витте Штейн здесь специально преувеличил, на самом деле, как мы видели, он мог превосходно обойтись и, по-видимому, действительно обошелся без доступа к переписке Витте.

¹⁰⁷ В. ф.-Ш. Воспоминания американца о Портсмутской конференции, стр. 989—990.

¹⁰⁸ Там же, стр. 995.

сочтено было недостаточным и «усилено» совершенно наивным примечанием к предшествовавшей фразе, криминальной с точки зрения Витте: «Этот отзыв Смаллея не совсем точен».¹⁰⁹ Насчет ловкости Витте никто не имел права ошибаться, хотя бы в конечном счете и в его пользу!

Намеревался ли Витте кончить статьей В. ф.-Ш. публикацию своих материалов о Портсмутском договоре или он был намерен ее продолжать — сказать трудно, тем более, что вскоре появился повод для ее продолжения независимо от первоначальных намерений. В начале 1913 г. одна из американских газет напечатала сенсационное сообщение о том, что Рузвельт собирается выпустить в свет свои мемуары.¹¹⁰ В них Рузвельт, как гласило это сообщение, предполагал включить письмо, якобы полученное им от японского императора во время русско-японской войны с просьбой о посредничестве ввиду истощенности боевых средств Японии и отсутствия у нее шансов на победу. Вслед за западноевропейскими газетами это сообщение подхватили и русские. Противники Витте справа сейчас же стали повторять старые свои утверждения о том, что мира можно было и не заключать, что японцы Витте в Портсмуте провели, что русская армия была в состоянии нанести Японии поражение и т. д.

Сам Рузвельт в «Таймс» 19 февраля опроверг слухи о письме, заявив, что он его не получал, а если бы и получил, то не стал бы публиковать.¹¹¹ Но Витте этим не удовольствовался. В интервью, данном А. В. Руманову и помещенном в «Русском слове», он заявил, что предложение Рузвельту о посредничестве было сделано с японской стороны, что он (Витте) не знает, кто именно — сам император или председатель совета министров — его сделал, но знает, что о «мире во что бы то ни стало» Япония в этом письме (которое «было только пробным шагом») не просила. А затем Витте использовал интервью, чтобы еще раз напомнить, что все документы, касающиеся Портсмутского договора, которые «еще не опубликованы», имеются не только «в подлежащих министерствах», но и в его личном архиве, хотя он, конечно, считает «невозможным ссылаться или говорить о них».¹¹² Нарочитый характер этого намека, никак не связанного с темой интервью, ясен, если принять

¹⁰⁹ Там же, стр. 995—996.

¹¹⁰ Б. Б. Глинский. Легенды о Портсмутском договоре. Исторический вестник, 1913, апрель, стр. 257—258. Никаких мемуаров Рузвельта ни при его жизни, ни после смерти опубликовано не было.

¹¹¹ Б. Б. Глинский. Легенды о Портсмутском договоре, стр. 258—259. В известном исследовании Б. А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны» (М.—Л., 1955), содержащем, в частности, детальный анализ завязки переговоров о мире, никакого упоминания о письме японского императора к Рузвельту не находим.

¹¹² Б. Б. Глинский. Легенды о Портсмутском договоре, стр. 258—259.

во внимание, что располагал-то Витте всего-навсего несколькими экземплярами изданной закрытым способом «Оранжевой книги», и, хоть она и была им дополнена, письма, о котором шла речь, естественно не было, да и не могло быть ни в тексте, ни в дополнениях, даже если бы это письмо действительно существовало в природе.

То обстоятельство, что портсмутская тема вновь всплыла в печати, было использовано для опубликования в «Историческом вестнике» еще одной статьи, на сей раз подписанной Глинским, под названием «Легенды о Портсмутском договоре». Помимо газетных статей, появившихся вслед за сообщением о мемуарах Рузвельта, Глинский включил в свою статью обширные выдержки из «Вынужденных разъяснений» и «Разочарований». А в одном месте в нее был включен в несколько измененном виде отрывок из рукописных заметок. Отрывок этот представлял собой изложение беседы Витте с в. кн. Николаем Николаевичем, в ходе которой он перед отъездом в Америку получил сформулированные в четырех пунктах сведения о положении русской армии и взглядах командования на ее возможности в случае продолжения войны.¹¹³ Впрочем, может быть Глинский и не имел доступа к рукописным заметкам, а получил от Витте резюме этой беседы, составленное им тотчас же после нее и сохранявшееся в его архиве. Но если относительно рукописных заметок и стенограмм у нас нет возможности доказать, что Глинский был с ними в это время знаком, то относительно первой части воспоминаний — «Возникновения русско-японской войны» — можно достоверно считать, что Глинский получил экземпляр ее сразу же после своего «соглашения» с Витте в 1912 г., о наличии которого он признался в предисловии к «Прологу» в 1916 г. Во всяком случае в статье «Легенды о Портсмутском мире», о которой идет речь, Глинский уже сообщил, что он надеется, когда ему «удастся подобрать нужный архивный материал», обрисовать «веяния в правительственных сферах, . . . разные административные соотношения по вопросу о возможности русско-японского конфликта. . . и взгляды графа С. Ю. Витте. . . по настоящему вопросу».¹¹⁴ Как мы видели выше, в 1914 г. появился «Пролог русско-японской войны» и виттевская версия дальневосточного вопроса была предана гласности во всех своих деталях.

Помимо происхождения русско-японской войны и Портсмутского мира, другие вопросы внешней политики получили как в мемуарах, так и в публицистической деятельности Витте гораздо менее полное отражение.

¹¹³ С. Ю. В и т т е. Воспоминания, т. 2, стр. 397.

¹¹⁴ Исторический вестник, 1913, № 4, стр. 262.

В феврале 1912 г. в газете «Речь», в номерах от 7, 14 и 22 февраля появились три статьи, посвященные вопросам внешней политики России и содержавшие оценку англо-русского и русско-японского соглашений 1907 г., а также действий русской дипломатии в период Боснийского кризиса 1908—1909 гг. Первая статья была подписана «С. Л.», две других — «С. Литовцев».¹¹⁵ Все три статьи были опубликованы в виде бесед автора с «одним очень видным русским дипломатом в отставке, близким сотрудником Витте и Ламздорфа». В действительности же статьи эти представляли собой не что иное, как пересказ некоторых разделов мемуаров Витте, вошедших в 46-ю главу второго тома и в 69-ю главу третьего тома «Воспоминаний».

В первой из этих статей Витте откликнулся на смерть министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Эрентала. Он сделал это, разумеется, совсем не ради того, чтобы почтить память австрийского дипломата, которому он, кстати сказать, дал далеко не лестную характеристику. В статье, как и в «Воспоминаниях», рассказ о графе Эрентале находился в прямой связи с историей Боснийского кризиса. Собственно говоря, и рассказ-то этот был затеян исключительно для того, чтобы сообщить читателю версию Витте относительно причин поражения русской дипломатии. Версия же эта сводилась к следующему. Граф Эренталь в бытность свою в 1905—1906 гг. послом в Петербурге стремился сблизиться с Витте и Ламздорфом, однако это ему не удалось, так как они держались с ним официально и в рамках чисто деловых отношений. Тогда, сразу же после падения правительства Витте, Эренталь начал усиленно культивировать дружбу с П. Х. Шванебахом. Потакая Шванебаху и другим «недальновидным» русским сановникам, которые «в интимных беседах» «давали ему точные и вполне определенные сведения о положении русского государства», Эренталь высказывался против политики Витте и манифеста 17 октября. Получив назначение на пост министра иностранных дел Австро-Венгрии и уезжая из Петербурга в Вену, Эренталь взялся выполнить «тонкое дипломатическое поручение»: передать Вильгельму II во время посещения Берлина специальную записку о Витте, составленную Шванебахом, в которой Витте, как говорилось в статье, «рисовался не то корыстным властолюбцем, не то Геростратом».¹¹⁶ Цель этой записки состояла в том, чтобы на-

¹¹⁵ «С. Л.» и «С. Литовцев» — псевдонимы С. Л. Полякова, писателя и журналиста, сотрудника газеты «Речь».

¹¹⁶ Речь, 7 февраля 1912 г. В статье Витте, видимо, не решился охарактеризовать более подробно содержание записки. Между тем в «Воспоминаниях» Витте пишет, что в записке Шванебаха он, Витте, был представлен как такой человек, «который думает только о себе и о своей славе и, подобно тому примеру, который был в древнем мире, что Герострат сжег целый город

строить Вильгельма II против Витте. Однако Эренталь все это делал неспроста. «Превосходное подлинное знание России... открыло ему дорогу к посту австро-венгерского министра иностранных дел», а хорошая информированность в русских государственных делах дала возможность, удачно выбрав момент, «исключительно дипломатическим путем» присоединить к Австрии Боснию и Герцеговину. По версии Витте получалось, что Шванебах и другие надеялись использовать Эренталя в своих интригах против Витте, а в действительности, посвящая австрийского посла в государственные дела, играли на руку австрийской дипломатии. «Эренталь не был великим дипломатом, — говорилось в статье, — но он искусно познал глупость русских министров и провел их как более взрослый мальчик проводит совсем малышей. На его долю как дипломата выпало счастье иметь дело с глупцами».¹¹⁷ Таким образом, Витте подчеркивал связи ненавистного ему Шванебаха, а заодно и Горемыкина, с таким неприятным русскому самодержавию после Боснийского кризиса иностранным министром, как Эренталь, и, кроме того, предъявлял прямое обвинение правительству Столыпина—Извольского в том, что оно оказалось неспособным предотвратить аннексию Австрией Боснии и Герцеговины.

В том же духе была написана и вторая статья в газете «Речь» от 14 февраля 1912 г., опубликованная уже без всякого повода, просто как продолжение первой. Статья эта называлась: «Взгляд на англо-русское соглашение».¹¹⁸ Англо-русское соглашение в этой статье рассматривалось как серьезное поражение русской дипломатии на Среднем Востоке. В статье, как и в «Воспоминаниях», проводилась мысль о том, что министерство Столыпина—Извольского приняло ту самую программу соглашения с Англией, которую предлагали Витте от имени Эдуарда VII еще в сентябре 1905 г. в Париже через первого секретаря русского посольства в Лондоне Поклевского-Козелл, когда Витте возвращался из Портсмута, и которую Витте еще тогда считал неприемлемой.¹¹⁹ О русско-японском соглашении 1907 г. Витте высказывался как «несравненно большим сочувствием», однако и по поводу этого соглашения в третьей статье, появившейся на страницах газеты «Речь» 22 февраля

для того, чтобы прославиться», он, Витте, «мол, дал конституцию и возбудил пожар во всей России, для того, чтобы лично прославиться» (С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 457). В статье, как и в «Воспоминаниях», указывалось, что записка П. Х. Шванебаха, вслед за тем была опубликована во французском журнале «Revue des Revues». Интересно отметить, что один из экземпляров этой записки в переводе с немецкого языка сохранился в ИРЛИ в фонде С. Н. Сыромятникова (см.: Записка П. Х. Шванебаха «Гр. Витте и переворот (Заметки очевидца)». ИРЛИ, ф. 655, д. 107).

¹¹⁷ Речь, 7 февраля 1912 г.

¹¹⁸ Речь, 14 февраля 1912 г.

¹¹⁹ Там же.

1912 г., Витте, в третий раз выступая под видом старого дипломата, заявлял, что правительство Столыпина добилось этого соглашения слишком дорогой ценой.¹²⁰ В то время как он, Витте, если бы ему это было поручено, во время переговоров в Портсмуте мог бы добиться гораздо более подходящих условий, на которых могло бы состояться сближение с Японией.

Борьба с революцией

Рукописные заметки, посвященные периоду премьерства и составившие первую, большую половину третьего тома «Воспоминаний», писались Витте со значительными перерывами с января 1908 по октябрь 1912 г. и совсем не в той последовательности, в какой, следуя хронологическому принципу, перетасовал виттевский текст Гессен. Текст, вошедший в главу «Манифест 17 октября», был написан Витте в Петербурге в январе 1908 г. Продолжающие его хронологически разделы, составившие главы «Первые дни моего премьерства», «Трепов и великий князь Николай Николаевич», «Образование кабинета. Амнистия. Закон о выборах», писались, судя по двум содержащимся в них упоминаниям о времени их писания, в 1909 г.¹²¹ Тогда же, судя по аналогичному упоминанию,¹²² писался текст, вошедший в главы «Отставка Манухина и Тимирязева» и «Отставка Кутлера. Интриги правых». Отнюдь не придерживаясь хронологической последовательности, Витте, описывая свое премьерство, важнейшие, связанные с ним события пока пропустил.¹²³ Наконец, принимаясь летом 1912 г. за окончание рукописных заметок, завершенных, как мы уже указывали, в октябре 1912 г., Витте заметил: «Я не имею теперь под руками то, что я ранее писал. Кажется, я кончил на изменениях в личном составе высших лиц во время моего премьерства. Теперь буду писать о главнейших событиях во время моего министерства по существу».¹²⁴ Таким образом, можно считать, что текст, посвященный революционным событиям 1905 г. и контрреволюционной политике Витте, который вошел в состав главы «Беспорядки и карательные экспедиции», был написан лишь летом и осенью 1912 г. Это подтверждается и имеющимся в нем самом упоминанием о Ленских событиях 1912 г.¹²⁵

¹²⁰ Речь, 22 февраля 1912 г. Статья «Цена русско-японского соглашения».

¹²¹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 99, 105.

¹²² Там же, стр. 204.

¹²³ Судя по приводимым Гессеном «личным заметкам» Витте, содержащимся в рукописи, он возвращался к ней в июне 1910 и в июне 1911 г. Нам, однако, не удалось установить, что именно было тогда написано.

¹²⁴ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1, стр. LXXIII.

¹²⁵ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 141.

Не дожидаясь завершения своей собственной работы над разделами рукописи, посвященными событиям революции, Витте решил сделать достоянием гласности свою версию происхождения и характера революционных событий, внутривластительской линии правительства накануне и во время революции и, самое главное, вознести себе хвалу за ее подавление.

Проклиная столыпинский режим на каждом шагу в своих мемуарах, Витте цинично и расчетливо пытался использовать политическую обстановку, существовавшую в стране в годы столыпинской реакции, и прежде всего резкое «поправение» буржуазии и ее лидеров. Природный ум и большой политический опыт старого бюрократа делали для него совершенно прозрачной «аршинную душу» русского буржуа, который больше всего боялся, «что, мол, игру, затеянную в „свободы“, народ поймет по-своему, и именно прежде всего пожелает свободы не умирать с голода, не быть битым плетью и иметь равную для всех справедливость».¹²⁶ В черные годы торжества контрреволюции для буржуазной «читающей публики» подавление революционного движения масс было не виной, а, наоборот, заслугой царизма. Нападки же на царизм из буржуазных сфер сводились в сущности к критике тех правительственных актов и мероприятий в предреволюционные годы и во время самой революции, которые и с монархически-контрреволюционной точки зрения представлялись неправильными или недостаточно эффективными. Естественным образом всплывали война с Японией и полицейская система Плеве. Для Витте это было очень удобно. Еще более выигрышным было для него то обстоятельство, что время его премьерства совпало с высшим подъемом первой русской революции и Витте-премьер руководил подавлением революционных выступлений масс, в том числе вооруженных восстаний в Москве и в других местах, опираясь на организуемый им союз буржуазии с царизмом. Обращая теперь главное внимание на свою реабилитацию в глазах «высших сфер», т. е. самого царя и его ближайшего окружения, Витте свои действия по организации этого союза и хотел поставить себе в заслугу перед царизмом, а одновременно и перед буржуазными кругами, которые он-де удовлетворил манифестом 17 октября и тем образумил.

В 1911 г. в Москве в издании Сытина вышла брошюра В. И. фон Штейна, посвященная событиям первой русской революции.¹²⁷ Современникам было известно, что к выходу в свет «Исхода российской революции», как и «Разочарований в честном

¹²⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 72. Витте говорит в этом месте непосредственно о Гучкове.

¹²⁷ А. Морской. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря. М., 1911.

маклерстве», причастен сам Витте и что он не так уж сильно заинтересован в сокрытии этой причастности.¹²⁸ Начало брошюры было выдержано в самом либеральном духе. Заявление о том, что революция была ускорена, во-первых, политикой Плеве, а во-вторых, войной с Японией, которая-де свалилась, «как снег на голову», сопровождалось оценкой политики Плеве как «крайне реакционной», а сам Плеве был назван «суровым» министром.¹²⁹ В весьма решительных выражениях Плеве обвинялся в борьбе с земским самоуправлением и Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в превращении фабричной инспекции в «фабричную полицию» путем подчинения ее не только Министерству финансов, но и Министерству внутренних дел. В брошюре упоминалось о гапоновщине как петербургско-зубатовском эксперименте Плеве, об устройстве им еврейских погромов и т. д. Но все эти либеральные, казалось бы, рассуждения завершались совсем противоположным выводом, подкрепленным к тому же ссылкой на такой непререкаемо консервативный авторитет, как кн. Мещерский с его газетой «Гражданин». Вывод этот заключался в том, что «политика Плеве и ее приемы нанесли серьезный вред абсолютизму в России», усилив революционные настроения в стране.¹³⁰ Далее в специальном разделе, посвященном русско-японской войне, ее происхождение объяснялось тем, что под влиянием Плеве «взамен мирной политики, наиболее влиятельным представителем которой

¹²⁸ Во всяком случае П. Н. Милуков, который в своей статье о Витте в энциклопедическом словаре Гранат, написанной в 1911 г., явно дает понять, что сочинения Морского инспирированы Витте, впоследствии прямо заявлял, что писал эту статью по данным, полученным от самого Витте (Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, т. VI. М.—Л., стр. 297). Любопытные сведения о происхождении «Исхода русской революции» появились в печати сейчас же после смерти Витте. Некий Константин Михайлов поместил в «Биржевых ведомостях» 5 марта 1915 г. свои воспоминания о том, как в ноябре 1908 г. он был приглашен к Витте, который вручил ему уже готовую рукопись под названием «С. Ю. Витте и Совет рабочих депутатов» и поручил ее отредактировать, так как был «ею не совсем доволен». Витте вел себя при этом как открытый литературный заказчик. «Я поручил писание этой работы одному господину, дал ему подлинные документы, и он мне сделал эту работу». — заявил он Михайлову. «Впоследствии, — писал далее Михайлов, — она была выпущена в свет в издательстве И. Д. Сытина с многочисленными поправками и корректурами самого С. Ю., а в качестве автора стоял на этой брошюре некий А. Морской, как литератор мне совершенно неизвестный и исполнявший при С. Ю. Витте разного рода коммиссионные поручения. Заметим, кстати, что газета Рябушинского «Утро России» (7 марта 1915 г.), по-своему истолковав воспоминания Михайлова, прямо объявила Витте автором этой брошюры, «в свое время» наделавшей «большой шум».

¹²⁹ А. Морской. Исход русской революции 1905 года и правительство Носаря, стр. 7.

¹³⁰ Там же, стр. 13.

являлся тогдашний министр финансов С. Ю. Витте», была принята политика Безобразова. В брошюре Морского было предано гласности получившее впоследствии широкую известность высказывание Плеве в беседе с Куропаткиным о необходимости «маленькой победоносной войны» для удержания революции.¹³¹ Сделано это было путем свободного, но точного пересказа соответствующего места из той части рукописных мемуаров Витте, которая, судя по указаниям Гессена, была написана еще в 1907 г.¹³² Весь этот эпизод был снабжен у Морского примечанием: «Факт удостоверенный», но в тексте в качестве источника этого сведения были названы еще не изданные мемуары отнюдь не Витте, а самого Куропаткина. По-видимому, имелись в виду не мемуары (у Куропаткина их не было), а дневник, о существовании которого и о своем знакомстве с его содержанием Витте к этому времени уже подробно написал в рукописных заметках.¹³³ В дневнике Куропаткина (по крайней мере в опубликованной его части) хотя и содержится упоминание об этой точке зрения Плеве, но без точного воспроизведения его слов и вообще без той конкретности, с которой был изображен этот эпизод в рукописи Витте и брошюре Морского.¹³⁴ Хотя опальный генерал был теперь врагом опального сановника, Витте не остановился перед тем, чтобы сослаться на Куропаткина как на своего союзника в те годы, одновременно взвалив на него ответственность за одну из своих инспираций.

В брошюре содержалась хроника революционных событий, описание их грозного для царизма характера и опасностей, которым царизм подвергался. Особенно подчеркивалось, что в местах массовых революционных выступлений не было сколько-нибудь значительных воинских сил, так как большая часть армии была за Байкалом, прочие войска были сосредоточены на окраинах, а европейская часть России «прямо-таки была оголена от войск». И только Витте, который карательными мерами на железных дорогах обеспечил перевозку войск с Востока, создал условия для подавления революции. В воспоминаниях он сам затем развил эту тему, как и то обстоятельство, также отмеченное в брошюре Морского, что второй раз он спас царизм заграничным займом. Совершив это, дважды спаситель самодержавия удалился в отставку, не желая «быть пешкою в чьих-либо руках», — этим кончался «Исход российской революции».¹³⁵

¹³¹ Насколько нам известно, до тех пор оно в печати не появлялось.

¹³² А. Морской. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря, стр. 19; С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 291.

¹³³ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 157.

¹³⁴ Дневник А. Н. Куропаткина. Красный архив, 1922, т. 2, стр. 94 (запись 11 декабря 1903 г.).

¹³⁵ А. Морской. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря, стр. 121.

Но главным в брошюре были для Витте пространные рассуждения об эффективности его приемов подавления революции, апология карательной политики его правительства, которая потому-де и была эффективна, что основывалась на правильном его, Витте, понимании контрреволюционной природы буржуазии. Витте свел самодержавие и буржуазию и заставил их протянуть друг другу руки перед лицом революционного народа. Это ли не заслуга его перед обеими сторонами? Таков был лейт-мотив «Исхода русской революции».

В разделе, озаглавленном «Тактика кабинета графа Витте», в замаскированной форме излагался разговор Витте с царем, состоявшийся, по-видимому, 9 или 10 октября.¹³⁶ «Только в эти тяжелые минуты он был спрошен, что делать?», — говорилось в брошюре. Витте-де заявил: «Если у вас имеется достаточная материальная сила, то попробуйте действовать силою». Но он, Витте, за другое: «Чувства и мысли развивайте умом и талантом». И все. Благозвучно и бессодержательно до полной невероятности! Тем более, что в следующей же фразе утверждалось, что «в результате» именно этого совершенно казалось бы бессмысленного предложения Витте он и был назначен премьером.¹³⁷ Объяснить это невозможно, не имея в своем распоряжении машинописный текст «Исхода российской революции», по которому производился типографский набор. В этом тексте, находившемся в руках Витте и сохраненном им в своем архиве, были сделаны некоторые купюры.¹³⁸ В частности, вслед за фразой о чувствах и мыслях была вычеркнута следующая: «Прежде всего постарайтесь водворить в лагере противника смуту. Бросьте кость, которая все пасти, на вас устремленные, направит на себя. Тогда обнаружится течение, которое сможет вас вынести на твердый берег».¹³⁹ Под костью понимался манифест 17 октября,

¹³⁶ В вошедших в «Воспоминания» составленной Витте «Справке о манифесте 17 октября» и записках Н. И. Вуича и Н. Д. Оболенского (т. 3, гл. 52) речь идет о двух беседах Витте с царем 9 и 10 октября. Предмет их был один и тот же. Изложение их в «Воспоминаниях» соответствует тому, что находим у Морского.

¹³⁷ А. Морской. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря, стр. 116.

¹³⁸ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 713. В тексте следы разметки между наборщиками, помета: «Переставить набор как указано». Машинописный текст не содержит вошедших в книгу в качестве приложений манифеста 17 октября и весподданнейшего доклада Витте. В конце его зачеркнутая карандашом подпись «Пиеров». Не кроется ли за этим первоначальное намерение издать «Разочарования в честном маклерстве» и «Исход российской революции» под различными псевдонимами?

¹³⁹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 713, л. 104. Кроме указанной купюры, отметим еще две. Одна из них относилась к абзацу, служившему почти непосредственным продолжением тирады Витте о кости, которую надо бросить. В этом абзаце в весьма преувеличенной форме были выражены сетования Витте на то, что буржуазия якобы плохо и недостаточно его поддерживала, и если безупречный Витте все-таки мог себя хоть в чем-то упрекнуть, «то лишь в том, что

а «течение», способное «вынести на твердый берег» ладью самодержавия, Витте видел в лице буржуазии, которую надо было лишь удовлетворить этой подачкой, чтобы проявилась ее контрреволюционная сущность. Эту совсем уже циничную фразу Витте, звучавшую оскорбительно по отношению к манифесту и его сторонникам из буржуазных и иных кругов, конечно, выгоднее было убрать. Восторженное описание благодетельных для царизма последствий манифеста 17 октября было составлено в полном противоречии с либеральными фразами в начале брошюры. Там Плеве обвинялся в устройстве еврейских погромов. А здесь при описании черносотенных выступлений, последовавших за манифестом, с особенным удовлетворением отмечалось, что «убийствам и избиениям подвергались не только евреи, но и революционные элементы и просто заподозреваемые в освободительном движении», и указывалось, что такое положение «вызвано было действием исключительно манифеста 17 октября».¹⁴⁰ В брошюре прямо признавалось, что Витте всемерно стремился обратить на пользу самодержавию страх буржуазии перед революционным пролетариатом: «Использование классовой розни между предпринимателями и рабочими было вполне логичным и обоснованным моментом в деятельности кабинета графа Витте».¹⁴¹ Все это сопровождалось неприкрытым восхвалением деятельности Витте на посту премьера, его галантов, работоспособности, «самообладания», «невозмутимости» и т. д. Но Витте по своему обыкновению «Исходом российской революции» не удовлетворялся. Едва успела эта брошюра появиться в свет, а может быть и накануне ее появления, Витте уже затеял новое литературное предприятие, посвященное периоду революции 1905 г.

Как можно судить на основании косвенных упоминаний в переписке Витте, задуманное им сочинение он предполагал в значитель-

переоценил сознание политического долга перед отчизною со стороны благо-разумных и культурных элементов русского общества» (там же). Другая купюра, относящаяся к взглядам Энгельса на вопросы революционной тактики, была сделана, по-видимому, по цензурным соображениям и, в отличие от двух других, отмечена в печатном тексте обычным в таких случаях многоточием (А. Морской. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря, стр. 49).

¹⁴⁰ А. Морской. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря, стр. 98. Эта лицемерная двойственность была проявлена Витте еще в дни, предшествовавшие изданию манифеста. Как свидетельствует И. И. Кольшко, поручая ему составить текст всеподданнейшего доклада, Витте заявил: «Напишите два доклада: для царя и для публики. У царя надо отшибить страх от конституции. Но осторожно, обводите его, как пугливого коня, возле куста. Ну, а для публики — чтобы всем было ясно, что конституцию я дам, но не сразу. Постепенно. Поняли?» (Баян. Ложь Витте, стр. 31).

¹⁴¹ А. Морской. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря, стр. 117—118.

ной мере посвятить печати революционных лет. Витте разослал письма с просьбой предоставить его сотрудникам комплекты газет за революционные годы целому ряду газетных издателей и редакторов тех лет. Среди них были: А. А. Суворин, издававший часто менявшую название, близкую к кадетам, газету «Гласность» (в 1905—1906 гг. она называлась «Русь» и «Москва»); М. М. Федоров, который предоставил Витте комплект издававшейся им октябристской газеты «Слово»; М. М. Ковалевский, фактически редактировавший в 1906 г. газету «Страна»; кн. Трубецкой, издававший орган праволиберальной «партии мирного обновления» журнал «Московская неделя» (затем «Московский еженедельник»); Л. В. Ходский, издававший лево-кадетские «Нашу жизнь», «Товарищ», «Народное хозяйство» и «Вестник свободы»; Л. А. Тихомиров, народовец-рэнегат, сотрудничавший в различных реакционных газетах. К Мещерскому, как к издателю «Гражданина», Витте решил отнестись несколько осторожнее («раньше переговорите с г. Колышко как удобнее сделать», — поручил он своему секретарю), но обойти не хотел и его.¹⁴²

Далеко не все эти лица собирались помогать Витте в его затее. По-видимому, его замысел, заключающийся в том, чтобы в разгар столыпинской реакции опубликовать или по крайней мере собрать и держать наготове материал о чужих либеральных увлечениях в прошлом, — разгадать было не так уж трудно. «Я отлично понимаю, — писал он Поморину, — что теперь никому не хочется расписываться в том, что они писали в 1904—1906 годах, что только показывает как важно совершить ту работу, которой мы задались. Придется все брать в Публичной библиотеке, поэтому одного человека будет мало, придется взять по крайней мере двух».¹⁴³ В августе Витте дал еще одно указание: «Нужно хорошо проштудировать „Новое время“ вообще и Меньшикова в „Новом времени“ в частности, там много найдете весьма интересного. Ну а как с „Гражданином“? Это тоже будет интересный материал... Я думаю, что для планомерности работы нужно, чтобы г. Рудченко составил программу».¹⁴⁴

¹⁴² ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1, д. 1004, лл. 6—7, 65. Витте — Поморину, 8 июня [1911] и 19 августа 1911 г.; там же, д. 1012. М. М. Федоров — Витте, 19 августа 1911 г.,

¹⁴³ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, л. 60. Витте — Поморину [лето 1911 г.].

¹⁴⁴ Там же, лл. 6—7. Витте — Поморину, 19 августа 1911 г. Любопытно сопоставление этого письма с упоминаниями в мемуарах о позициях Меньшикова и Мещерского в 1905 г. и после подавления революции. О Меньшикове: «Теперь он проводит ярким образом идеи самые реакционные, но в то время он так же убежденно, как ныне, доказывал мне, что единственный выход — это перемена режима управления от неограниченного к конституционному» (С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 557). О Мещерском: «Князь был очень сумрачен и высказал свое „убеждение“, что ныне нет другого исхода,

Непосредственным исполнителем этого замысла должен был стать Рудченко, в прошлом чиновник Министерства финансов, а издателем — Ефрон, который незадолго до этого, в 1910 г., предпринял переиздание старого произведения Витте «Принципы железнодорожных тарифов». Но Ефрон счел новую затею Витте несвоевременной. Витте это впрочем не остановило, и 1 июня 1911 г. он отдал через Поморина распоряжение приступить к составлению сочинения, имея в виду издать его через некоторое время у Ефрона или опять у Сытина через Руманова.¹⁴⁵ Судя по сохранившейся переписке, Витте еще дважды запрашивал Поморина о ходе дела. Один из этих запросов позволяет думать, что дело затянулось по крайней мере на 2 года, и наряду с Рудченко его участником стал Гессен.¹⁴⁶

Какова была судьба этого предприятия Витте, была ли проделана задуманная им работа — об этом дошедшие до нас документы ничего не говорят. Нам неизвестно также, чтобы подобное сочинение когда-либо было издано. В фонде Витте нет ни рукописи, ни подготовительных материалов, которые были бы связаны с этим замыслом. Впрочем, как видно из упоминания Витте в одном из писем к Поморину, работа была завершена или близка к этому, но с изданием ее (теперь уже у Сытина) так ничего и не получилось. Сердцась на Руманова, не выполнявшего исторгнутых у него обещаний относительно помещения в «Русском слове» инспирированных статей и сообщений, Витте писал Поморину: «Также с историей Рудченко, Штейна и проч. Просто жалкий вун, с которым невозможно иметь дело».¹⁴⁷

Порученная Рудченко работа, по-видимому, должна была по замыслу Витте служить дополнением к рукописи, которая была, как он указывает в «Воспоминаниях», составлена под его руководством еще в бытность его председателем Совета министров и носила название «Накануне 17 октября». История этой рукописи была такова. Во всеподданнейшем докладе 31 января 1906 г. Витте-премьер заявил царю, что к открытию Думы ему необходим «систематизированный труд», содержащий хронику революцион-

как дать конституцию. Затем после 17 октября, когда гроза революции прошла, он начал громить новые законы и теперь опять затянул старую песнь. Благо ему за это платят» (там же, стр. 558).

¹⁴⁵ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, лл. 63—64. Витте — Поморину, 1 июня 1911 г.

¹⁴⁶ Там же, лл. 16—17. Витте — Поморину, 27-го (6. м-ца и года): «В каком положении дело о труде, который мы думали предпринять (Рудченко)?»; там же, лл. 11—12. Витте — Поморину, 20 июля 1913 г.: «Ну, а что с работой Гессена—Рудченко?».

¹⁴⁷ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, л. 109. Витте — Поморину, 10 (23) июля (6. г.). Что касается Штейна, то речь, по-видимому, идет о его брошюре о покушении на Витте, которая также не вышла в свет.

ных событий и освещающий позиции печати различных направлений во время этих событий. Желая оказать непосредственное влияние на составление этой рукописи, он просил поручить эту работу состоявшему в его распоряжении В. А. Дмитриеву-Мамонову. Но царь решил поручить ее Главному управлению по делам печати.¹⁴⁸ Тогда Витте, чуть ли не угрожая отставкой, просил разрешить ему составить «труд» за собственный счет.¹⁴⁹ 2 февраля 1906 г. царь уступил, разрешив Витте лично руководить этим предприятием.¹⁵⁰ В результате появились три варианта рукописи. Первый на 99 страницах машинописи: «Общественное движение в России с 1 января 1904 г. по 17 октября 1905 г. Проект записки для графа С. Ю. Витте, составленный ревизором департамента кредитной отчетности Госуд. контроля Л. М. Гольдмерштейном».¹⁵¹ На основе переработки и дополнения этого варианта возник новый под тем же заглавием, но с указанием на то, что он составлен В. А. Дмитриевым-Мамоновым.¹⁵² И, наконец, последний вариант, лишенный указания об авторстве и, по-видимому, утвержденный Витте, носил название «„Накануне 17 октября“». Исторический очерк общественного движения в России».¹⁵³ Изложение в нем началось с 1899 г., его объем составлял несколько сот страниц машинописи.

В 1912 г. Витте в числе прочих материалов передал эту рукопись Глинскому, который по своему обыкновению в значительной части воспроизвел ее в большой серии очерков о революции 1905 г., печатавшейся под названием «Развенчанные герои революции» в «Историческом вестнике» в 1913 г. (№№ 6—12). Еще до этого она вместе с некоторыми другими приводимыми Глинским документами побывала в руках автора «Исхода российской революции»¹⁵⁴ В соответствии с всегдашним правилом Витте, по которому признаки инспирированности произведений его литературной агентуры аккуратно прятались на самом видном месте,

¹⁴⁸ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 553; ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 99.

¹⁴⁹ Там же, ф. 543, оп. 1, д. 537.

¹⁵⁰ Там же, ф. 540, оп. 1, д. 99.

¹⁵¹ Там же, д. 934-II.

¹⁵² Там же, д. 934-I. Вопреки указанию заголовка оба проекта записки фактически начинаются событиями конца 1904 г.

¹⁵³ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 739. Описание этой рукописи см.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 627, комментарий.

¹⁵⁴ Например, «архивная официальная записка», которую Глинский, по его словам, использовал для описания тактики кабинета Витте в борьбе с революцией в период между 17 октября и арестом Петербургского Совета 3 декабря 1905 г. (Исторический вестник, 1913, № 11, стр. 651 и сл.). В «Исходе российской революции» см. стр. 105 и сл. Полагаем, что речь идет о значащейся в сохранившейся в фонде Витте описи его архива «Записке Литвинова-Фалинского о Хрустале-Носаре».

Глинский делал это не только за себя, но и за Морского. В первом очерке он отмечал только, что Морской «воспользовался ... некоторыми указаниями тех лиц официальной стороны, которым в тот смутный период русской жизни приходилось играть решающую роль».¹⁵⁵ А уже в следующем, очерке он заявлял, что сам будет «почти дословно» следовать «одной обширной официозной записке, не выдавшей печатного света и хранящейся ныне в одном из частных архивов, но которая, по-видимому, была и в обладании г. А. Морского».¹⁵⁶

В отличие от «Исхода российской революции», кстати сказать, в значительной мере воспроизведенного в очерках Глинского, эти очерки представляли собой расплывчатое произведение с множеством пространных выдержек из газетных статей, документов, чужих сочинений и т. п. Естественно, что очерки Глинского — и этим они не отличались от «Исхода российской революции» — носили ярко выраженный контрреволюционный характер. Тактика правительства Витте после 17 октября, с похвалой писал Глинский, «покоилась на соображении наиболее выгодного и удобного использования исторического момента с тем, чтобы произвести определенное *coup d'état* без особых политических потрясений».¹⁵⁷ В качестве этого *coup d'état* выставлялся арест правительством Витте Петербургского Совета — акт, значение которого Витте теперь сильно преувеличивал, стремясь «Исходом российской революции», очерками Глинского и т. п. перечеркнуть создававшуюся ему справа репутацию либерала, вырвавшего у царя манифест 17 октября. Рукописи «Накануне 17 октября» отводилось здесь совершенно определенное место: она должна была показать, в каком критическом положении был царизм накануне манифеста, почему Витте и должен был предстать в роли не только не либерала, а спасителя монархии. Едва закончилось ее воспроизведение в очерках Глинского, как Витте выпустил ее на французском языке под именем Пьера Марка.¹⁵⁸

¹⁵⁵ Исторический вестник, 1913, № 6, стр. 1002.

¹⁵⁶ Исторический вестник, 1913, № 7, стр. 234. Более определено Глинский указал на происхождение использованной им рукописи лишь после смерти Витте в предисловии к отдельному изданию «Пролога русско-японской войны» (Пгр., 1916, стр. VI). Говоря об этой рукописи, как полученной от Витте по заключенному в 1912 г. соглашению, Глинский весьма неточно называет ее запиской по рабочему движению 1904 г.

¹⁵⁷ Исторический вестник, 1913, № 11, стр. 656.

¹⁵⁸ Au seuil au 17 Octobre 1905. Historique du mouvement des esprits en Russie de 1899 au 17 Octobre 1905 par Pierre Marc. K. F. Koehler, éditeur, Leipzig, 1914. Этой книгой открывалась серия Etudes sur l'histoire de l'Europe orientale. Publiées par M. le Prof. Dr. Uebersberger, Vienne, вторым номером которой явилось уже упоминавшееся нами заграничное издание «Пролога русско-японской войны».

Был, однако, один вопрос, относящийся к контрреволюционной деятельности Витте-премьера, которого он вообще не желал касаться. Это был вопрос о его связях с Гапоном и его непосредственной причастности к попыткам Гапона возродить в октябре—ноябре 1905 г. свою деятельность среди петербургских рабочих.

Каким бы противником зубатовщины ни стремился Витте себя выставить, на самом деле он взялся за рычаг «полицейского социализма», едва вступив на пост премьер-министра.¹⁵⁹ Приняв представителя Гапона журналиста Матюшенского, просившего о возобновлении деятельности гапоновских организаций и легализации их руководителя, нелегально вернувшегося в столицу, Витте поручил вступить в контакт с Гапоном состоявшему при премьер-министре охраннику и известному аферисту И. Ф. Манасевичу-Мануйлову. Гапон получил субсидию в 500 руб. из личных средств Витте и был вывезен Мануйловым за границу. Устранив Гапона с петербургской сцены, Витте решил полностью взять его в свои руки и использовать в контрреволюционных целях остатки того влияния среди рабочих, которым пользовался Гапон. Вслед за самим Гапоном с одним из его сторонников была послана в Париж выработанная по указаниям Витте «программа» воззвания Гапона к рабочим. Полученное затем Витте от Гапона воззвание было по требованию Витте отпечатано большим тиражом на средства Департамента полиции. Собственноручно составленное Гапоном по витевской шпаргалке это воззвание совершенно ей соответствовало. В «программе» Витте Гапону предлагалось указать рабочим на «необходимость приостановиться на пути освободительных стремлений, с целью удержать за собой и закрепить занятые позиции» (подсказывалось, таким образом, не только содержание, но и псевдоревOLUTIONИОННАЯ фразеология воззвания). И Гапон призывал: «Ни шагу вперед», «укрепляй завоеванные позиции». В соответствии с пунктом «программы» Витте, гласившим «присоединение к началам манифеста 17 октября и требование созыва Госдумы», Гапон писал: «Собирайтесь с силами, требуя пока от пра-

¹⁵⁹ Существует, впрочем, свидетельство, согласно которому Витте и раньше отнюдь не всегда отрицательно относился к «полицейскому социализму», в частности в связи с планами собственной полицейской карьеры, о которой он, если верить мемуарам, никогда не помышлял. И. И. Кольшко, обращаясь к Витте, в упомянутом нами памфлете писал: «А когда Плеве хотел Вас скусать, не вы ли, бывший граф, благословили зубатовщину?! Убили Плеве. Я никогда не видал Вас счастливейе. Торжество так и случилось из Вас. Вы решили сами стать министром внутренних дел. Помните мучительную майскую неделю, когда Вы метались от Мещерского к Сольскому, от Шервашидзе к Оболенскому, подстегивая всех работать на Вас. Работали. Но Мещерский тут впервые Вам изменил, и в министры попал кн. Мирский. Затаив злобу, Вы тотчас же приспособились и приветствовали пресловутое „доверие“. Завязав тайные сношения с Гапоном, Вы умыли руки 9 января...» (Ба я н. Дожь Витте, стр. 17).

вительства выполнения программы, намеченной манифестом 17 октября, и немедленного срыва Думы». Витте требовал, чтобы в воззвании Гапона были осуждены насильственные действия, и Гапон провозглашал: «Избегайте крови... Жалейте ее... И так ее достаточно пролито».¹⁶⁰

Переехав в Финляндию, Гапон предложил Витте и Дурново продать за 100 тыс. руб. известную ему революционную организацию. В переговоры с ним вступил видный охранник П. И. Рачковский. Кроме услуг по чисто полицейской части, Гапон оказывал Витте услуги и другого рода. В своем интервью, данном репортеру «Матэн», он защищал русские финансы, царское правительство и лично Витте. «Юманите» справедливо указала по поводу этого интервью, что Гапон продался Витте. В роли ходатая по делам гапоновских организаций выступал уже упоминавшийся нами издавна связанный с Витте Н. А. Демчинский.¹⁶¹ Помимо сумм, прямо положенных Гапону в карман, министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев выдал Матюшенскому, направленному к нему Витте в сопровождении все того же Мануйлова, 30 тыс. руб. на возобновление деятельности гапоновских организаций. Но тут-то вся эта история, обставленная, разумеется, величайшей секретностью, и получила огласку, попав в печать, благодаря тому, что Матюшенский, отдав гапоновцам 7 тысяч, присвоил себе остальные, в чем был ими уличен. Царь потребовал от министра внутренних дел П. Н. Дурново отчета, следствием чего и явилась всеподданнейшая записка, опубликованная Н. Петровым, из которой мы главным образом и почерпнули вышеприведенные сведения.

После газетных статей и записки Дурново, о которой Витте не мог не знать, ему оставалось прибегнуть лишь к самооправданию в мемуарах. В той части рукописи, над которой Витте работал в 1909 г.,¹⁶² он и дал себе волю. Мануйлов оказался к нему прикомандированным по просьбе Мещерского, которому он, Витте, «имел слабость не отказать». Когда он узнал, что Гапон в Петербурге, то был так «удивлен», что спросил: «Неужели Гапон здесь и с каких пор?». Матюшенский, который Витте «крайне не понравился» и потому «беседа с ним была весьма непродолжительна», спросил у него денег лишь на невинные «библиотеки и читальни», и то Витте соглашался выдать ему «только несколько тысяч»

¹⁶⁰ Н. Петров. Гапон и граф Витте. Былое, 1925, № 1 (29), стр. 26.

¹⁶¹ Несколько позже, в феврале—марте 1906 г., хлопоча уже о другом деле — установлении правительственного влияния на крестьянских депутатов будущей Думы, — Демчинский написал Витте два письма, подтверждающие их обоюдную причастность к гапониаде (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 988. лл. 111, 114).

¹⁶² О времени работы Витте над этой частью рукописи см.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 195, 204.

(«помню, сказал — не более шести и при условии контроля за их расходом»). А о том, что Матюшенский получил от Тимирязева не 6, а 30 тыс. руб., он, Витте, узнал, конечно же, «вдруг» и не официальным путем, а «из газет». Взяв ответственность за происшедшее на Тимирязева, он заявлял, что именно ввиду этой истории «решил с ним расстаться» и, как видно из сохраняемой им. Витте, переписки с Тимирязевым, последний-де «неправдив».¹⁶³

Но в архиве Витте был и другого рода документ, на который Витте предпочел в мемуарах не ссылаться. Это была копия письма к Дурново самого Гапона, в котором Гапон писал о своих связях с Витте, как о чем-то совершенно несомненном.¹⁶⁴ К тому же Витте не мог не знать и о всеподданнейшей записке Дурново, к которой было приложено несколько документов, совершенно изобличавших премьер-министра в попытке возрождения гапоновщины. Вследствие этого всего, самому публично поднимать вопрос о Гапоне не имело для Витте никакого смысла. Случилось, однако, так, что в полемическом задоре Витте все же это сделал. Вскоре после смерти Столыпина, в сентябре 1911 г., он вступил в газетную полемику с А. И. Гучковым. На одно из газетных выступлений Витте в этой полемике откликнулся, по-видимому для него неожиданно, Тимирязев. В беседе с корреспондентом «Нового времени», опубликованной в этой газете 19 октября (1 ноября) 1911 г., Тимирязев заявил, что Витте в полемике с Гучковым выдает такие вещи, о которых нельзя говорить без «высокого на то разрешения». А отставной премьер-де «пренебрег всем этим». Витте, пытаясь противопоставить свой режим столыпинскому, обвинял Столыпина во введении «исключительного порядка смертных казней» и в большом их количестве. Против этого Тимирязев не спорил, да и вряд ли это было возможно. Он лишь заметил (не сознавая, что сам выдает всю систему кровавых карательных методов царизма и при Витте и при Столыпине): «Как-то странно звучит это обвинение в устах государственного мужа, при котором совершались карательные экспедиции и была сделана попытка чрезвычайного расширения военно-полевой юрисдикции». Тимирязев ехидничал теперь, вспоминая, как Витте уговаривал членов своего кабинета «не делать разногласий» при обсуждении вопроса о военно-полевых судах. Он утверждал, что потому и вышел в отставку, что был вместе с А. Д. Оболенским против этого. Впрочем он сейчас же спохватывался, как бы не попасть в либе-

¹⁶³ Там же, стр. 190—194.

¹⁶⁴ Вновь униженно предлагая охранке («Зная себя, могу сказать, что, взявшись за плуг, не оборочусь назад»), Гапон подчеркивал, что он выступил против лозунгов революционной борьбы, «прежде чем вошел в какие-либо сношения с представителями г. Витте» (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 310. Копия с копии, датировано: январь или февраль 1906 г.).

ралы, и заявлял: «Спешу оговориться: я отнюдь не критикую действий правительства графа С. Ю. Витте».

Именно закон о смертных казнях и сделал Витте темой своего ответа Тимирязеву.¹⁶⁵ Прежде всего он в пику Тимирязеву заявлял, что своим рассказом об обсуждении этого закона тот тоже выдает государственную тайну. Витте утверждал, что закон имел целью не «расширить» военно-полевую юрисдикцию, а лишь «точно урегулировать ее».¹⁶⁶ Отвергнут же он был всеми министрами его кабинета. Что же касается отставки Тимирязева, то она, как заявлял Витте, была вызвана его ролью в деле Гапона—Матюшенского.¹⁶⁷ Теперь, после этого заявления Витте, предметом полемики между ним и Тимирязевым становился этот и только этот вопрос, и Витте заявлял, что документы по этому поводу у него наготове, он-де не пускал их в ход ввиду своей «корректности по сохранению профессионального секрета», но тут же угрожал сделать это, если дело Матюшенского будет разбираться в суде.

Ошибочность сделанного Витте шага стала совершенно очевидной уже через несколько дней, когда 2 ноября Тимирязев не от собственного имени, а как бы в ответ на обращение «Нового времени»¹⁶⁸ взял, да и опубликовал те самые документы, которыми пугал его Витте. Это была их переписка друг с другом в 1906 г. сразу после того, как история с Матюшенским получила гласность. Из нее видно было, что Витте еще тогда попытался зафиксировать в письмах очень уж неубедительную версию, позже раз-

¹⁶⁵ Беседа с корреспондентом «Русского слова», опубликованная в этой газете 29 октября 1911 г. На самом деле Витте, находясь за границей, никакой беседы ни с кем не имел, а попросту прислал им самим написанный текст через Поморина (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, лл. 123—124).

¹⁶⁶ Законопроект о смертных казнях также является одним из самостоятельных сюжетов «Воспоминаний» (т. 3, стр. 308—310). Кстати сказать, в этом разделе мемуаров, написанном уже после полемики с Тимирязевым в 1912 г. (стр. 322), Витте, противореча своим газетным утверждениям и подтверждая версию Тимирязева, указал, что против законопроекта выступили именно Тимирязев и Оболенский. Опровергая свои собственные попытки доказать чуть ли не гуманный характер законопроекта, Витте утверждал, что они сделали это «с целью показательного либерализма». Как относился к смертным казням и военно-полевым судам сам Витте-премьер, можно заключить не только из содержания, но и из названия его всеподданнейшего доклада 15 декабря 1905 г. «По поводу соображений Совета министров о бесполезности применения в местностях, где проявляется мятежное движение, военно-полевого суда», в котором Витте по существу предлагал просто стрелять, безо всякого суда, даже военно-полевого (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 108).

¹⁶⁷ На самом же деле в доносе царю на Тимирязева, облеченном в форму всеподданнейшего доклада о его отставке, где Витте сообщал, что Тимирязев в газетах связал свой уход со своим либеральным образом мысли и что он рассчитывает на более выгодное устройство на частной службе, о гапониаде нет ни слова (ЦГИАМ, ф. 543, оп. 1, д. 316).

¹⁶⁸ «В. И. Тимирязев, насколько нам известно, не намерен отвечать на личные выпады против него гр. Витте» (Новое время, 2 (15) ноября 1911 г.).

виту ю им в мемуарах. Письма сопровождалась язвительным указанием Тимирязева на то, что дело это «не набрасывает тени ни на него, Тимирязева, ни на графа Витте». Витте, однако, расценил выступление Тимирязева как «новый выпад». Едва получив от Поморина «Новое время», он в тот же день отправил ему письмо для передачи в газеты. «Посылаю Вам прилагаемое письмо, которое прошу Вас одновременно в один и тот же день напечатать в „Русском слове“, в „Речи“, в „Биржевых ведомостях“, в „Петербургских ведомостях“ и других газетах (чем больше, тем лучше)», — писал он.¹⁶⁹ В своем письме в газеты Витте в сущности уличал Тимирязева лишь в том, что тот, желая сделать вид, будто опубликованная им переписка имела место после его отставки, в одном из своих писем к Витте опустил при публикации содержащуюся в нем просьбу об ускорении отставки. Все еще стараясь запугать Тимирязева, Витте утверждал, что располагает и другими документами, помимо уже употребленных Тимирязевым.¹⁷⁰

Но понимая слабость своей позиции, он решил подкрепить публичную угрозу завуалированным шантажем. «Прошу Вас передать Арк. Вен. Руманову, — писал он далее Поморину в этом же письме, — что я ему советую передать Тимирязеву (у которого он бывает и с которым он находится в соответственных отношениях) совет с его, Аркадия Веняминовича, стороны, чтобы лучше он, Тимирязев, прекратил дальнейшую со мною полемику, которую он недостойно со мною начал, так как я кончу тем, что опубликую то, что ему будет уже совсем неприятно».¹⁷¹ Но «за душой» у Витте был всего-навсего один сомнительной значимости и достоверности факт, к тому же упоминавшийся уже в печати. Заключался он в том, что Тимирязев якобы не пожелал в свое время в Государственном совете почтить память адмирала Чухнина, убитого во время революции 1905 г. Еще до опубликования своего «интервью» Витте поручил Поморину разыскать сообщение об этом в старых газетах «на случай если Тимирязев вздумает опять брякнуть, чтобы ему ответить».¹⁷² Но Поморин никак не мог его найти, и Витте теперь кончал свое письмо от 5 ноября просьбой к нему: «В случае ответа Тимирязева сообщите мне хотя по телеграфу то, что я Вас просил о поведении Тимирязева...».

¹⁶⁹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, лл. 22—25. Витте — Поморину, 5 ноября [1911 г.], Париж.

¹⁷⁰ Русское слово, 11 (24) ноября 1911 г. Письмо Витте датировано 6 ноября и помечено Франкфуртом-на-Майне, куда Витте, как он сообщал Поморину, должен был выехать 6-го из Парижа.

¹⁷¹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, лл. 22—25. Витте — Поморину, 5 ноября [1911 г.], Париж.

¹⁷² ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, лл. 123—124. Витте — Поморину [октябрь, 1911 г.].

Этим, насколько нам известно, газетная полемика Витте с Тимирязевым и окончилась. Может быть, Руманов успешно выполнил данное ему Витте поручение, но скорее всего Тимирязев просто считал себя победителем и не желал продолжать.¹⁷³ И действительно, готовность Витте-премьера поощрять и развивать систему провокации в рабочем движении была благодаря публичной распреставных сановников продемонстрирована весьма убедительным образом. Тем не менее Витте в своей публицистической деятельности не пожелал вообще обойти тему зубатовщины. Вышедшая у Сытина в 1913 г. книга все того же А. Морского так и называлась «Зубатовщина». Чтобы исключить всякую необходимость упоминаний о попытках Витте возродить гапоновщину в его премьерство, в книге Морского изложение было доведено лишь до 9 января и вопрос ставился так, что после 9 января ни о чем подобном и мысли быть не могло. «Круг опыта зубатовщины, длившийся свыше 7 лет, был логически завершен катастрофой 9 января 1905 года, и экспериментировать дальше в том же направлении не решился бы, пожалуй, даже и Д. Ф. Трепов», — так кончал свою книгу Морской.¹⁷⁴ Смысл этого был таков: если уж Трепов не решился, то и никто другой не мог этим заниматься, а Витте и подавно. Как будто среди читателей «Зубатовщины» не могло оказаться людей, следивших за газетной полемикой Витте и Тимирязева, отшумевшей всего около двух лет тому назад!

В целом «Зубатовщина» представляла собой очерк истории вопроса, написанный в том же духе, что и соответствующие места виттевских мемуаров.¹⁷⁵ Главным борцом с зубатовщиной представлялся Витте, который в качестве министра финансов, ведавшего, между прочим, и фабричной инспекцией, сопротивлялся всем начинаниям Плеве в этом направлении, почему-де расцвев зубатовщины и наступил после увольнения Витте. Не останавливаясь подробно на характеристике этой книги, отметим, что она, наряду с очерками Глинского «Развенчанные герои революции»¹⁷⁶ и французским изданием «Накануне 17 октября», представляла собой заключительный тур публицистической деятельности Витте в той ее части, которая была непосредственно связана с событиями первой русской революции.

¹⁷³ Наряду с прямой полемикой с Тимирязевым, Витте пытался опубликовать справку, по-видимому специально посвященную прохождению законопроекта о военно-полевых судах во время его премьерства. Удалось ли ему это, нам неизвестно (см.: ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, лл. 29, 42).

¹⁷⁴ А. Морской. Зубатовщина. М., 1913, стр. 179.

¹⁷⁵ См.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, стр. 217—221.

¹⁷⁶ Отметим, кстати, что обещание Глинского дать очерк о Гапоне (Исторический вестник, 1913, № 6, стр. 985) так и осталось невыполненным, очевидно по тем же причинам, по которым Морской воздержался от этого в «Зубатовщине».

Уделяя преимущественное внимание афишированию своей роли в деле подавления революции, Витте не упускал случая и другими путями подчеркнуть свои заслуги перед самодержавием в 1905—1907 гг. Так, двумя специальными статьями, опубликованными за подписью Б. Б. Глинского в «Историческом вестнике» в 1913 г., был освещен вопрос о составлении основных законов в 1906 г., представляющий основной предмет гл. 61-й «Воспоминаний», которая целиком взята Гессеном из рукописных заметок Витте. В ней Витте изобразил свою роль при составлении основных законов как наиболее консервативную и охранительную по отношению к прерогативам самодержавия. Столпы петербургской аристократии, имевшие отношение к составлению проекта основных законов, выглядят под его пером чуть ли не потрясателями основ и уж во всяком случае совершенными либералами. Здесь и «благонамеренный либерал» государственный секретарь Иксуль фон Гильденбандт, и «благодушно-либеральный» председатель Государственного совета Сольский, и даже генерал Трепов, оказавшийся уже не только «городовым по убеждению», но и «либеральным вахмистром по воспитанию». Все эти лица, если верить Витте, то ли от растерянности, то ли вследствие приписываемого им либерализма гстовы были лишены царя какой-то части его прерогатив и превратили самодержавие в конституционную монархию. Самодержавие будто бы вообще лишилось своих защитников. Витте, по его словам, «был очень удивлен», когда министры иностранных дел, военный и морской — Ламздорф, Редигер и Бирилев — ничего не возразили против того, что в проекте Сольского было недостаточно оговорено исключительное право царя на руководство иностранными делами и вооруженными силами. Лишь Совет министров под председательством Витте изменил проект основных законов таким образом, что принцип самодержавия остался неприкосновенным. Если бы не Витте, то власть царя оказалась бы «ниже власти французского, а в некотором отношении даже швейцарского президента республики». Таков главный смысл этой главы, и дело из него секрет не было для Витте никакого расчета. Нам представляется, что глава эта писалась Витте незадолго до окончания рукописных заметок, тогда, когда Витте вел, по-видимому, параллельную работу над двумя текстами, т. е. в 1911—1912 гг. Если не сейчас же вслед за написанием этой главы, то немного спустя Витте, передавая Глинскому в 1912 г. уже упоминавшиеся материалы из своего архива, согласно позднему признанию Глинского, заявил: «Своевременно также опубликовать и данные для определения моей роли при начертании Основных законов в 1906 году. О дальнейшем поговорим потом...».¹⁷⁷

¹⁷⁷ Пролог русско-японской войны, стр. V.

Уже в феврале 1913 г., в «Историческом вестнике» появилась статья Б. В. Глинского «О титуле „самодержец“», которая в сущности представляла собой перепечатку пространной исторической справки, заказанной Витте в 1906 г. для того, чтобы определить, сохраняется ли за царем после манифеста 17 октября титул «самодержца». Автор справки С. А. Князьков отвечал на этот вопрос положительно. В статье Глинского он не был даже назван, между тем записка эта была сейчас же по написании напечатана на правах рукописи¹⁷⁸ и фигурировала еще в одной из первых аполгий внутренней политики царизма конца 1905—начала 1906 г., составленной В. И. фон Штейном под псевдонимом «В. Ш.» в последние дни пребывания Витте на посту премьера и вышедшей в свет уже после его отставки.¹⁷⁹

В небольшом пояснительном тексте Глинского в полном соответствии с духом главы 61-й «Воспоминаний» отмечалось, что при обсуждении проекта основных законов Совет министров под председательством Витте «счел долгом отместить все то крайне либерального характера, что под влиянием напора того времени почтенные составители его сюда внесли».¹⁸⁰ А под конец в самых верноподданнических выражениях указывалось, что именно благодаря этому Николай II приходит к трехсотлетию дома Романовых с сохранением в неприкосновенности титулом самодержца.

На этом дело, однако, не остановилось. В следующем же номере «Исторического вестника» появилась еще одна статья Глинского «К истории составления основных законов в 1906 г.», помещенная в качестве ответа на запрос читателей. Запрос этот (если он вообще имел место) как бы случайно относился как раз к тому обстоятельству, которое интересовало Витте: почему же «представители более или менее правого направления» оказались при составлении проекта основных законов почти что неблагонадежными, а Витте, который «зачислен на скале современной партийной квалификации представителем левого направления», оказался в этом деле «значительно более консервативен, нежели названные выше уважаемые деятели правого лагеря».¹⁸¹ Естественно, что ответ на таким образом поставленный вопрос давал возможность полностью развить нужную Витте тему. Это и было сделано. В статье указывалось, что «в трудный для России» (читай: самодержавия) 1906 год именно Витте «явился тою умеренною силою, которая отрезвила разгоряченные порывы» составителей проекта основных законов. С позиций восторжествовавшей монархической

¹⁷⁸ С. Князьков. Самодержавие в его исконном смысле, СПб., 1906.

¹⁷⁹ В. Ш. Новейшие преобразования русского государственного строя. СПб., 1906, стр. 657.

¹⁸⁰ Исторический вестник, 1913, февраль, стр. 577.

¹⁸¹ Там же, март, стр. 977—978.

контрреволюции Витте теперь задним числом иронизировал за спиной Глинского по поводу «некоторой бреши», которую внесли «благонамеренный кондуит» его бывших сослуживцев «революционные веяния», коснувшиеся «и посеребренных седьюю голов даже испытанных представителей нашей высшей администрации». ¹⁸² Скорее всего Витте здесь несколько оклеветал с монархически-самодержавной точки зрения умершего Сольского и продолжавших службу Иксуля и Харитонову, выдав страх перед революцией, под влиянием которого они действовали, за «некоторое шатание умов», якобы испытываемое ими самими. Для своей цели Витте не пренебрегал никаким средством, а состояла эта цель в том, чтобы показать (кому же если не самому Николаю?), что левая репутация Витте ни на чем не основана, а потому несправедливы и «чувства недоброжелательства», которые питают к нему «некоторые влиятельные консервативные сферы». ¹⁸³ Путем сопоставления полученных Глинским от Витте и поныне хранящихся в личном фонде Витте двух вариантов проекта основных законов (первого, составленного Иксулем и другими, и второго, прямо названного «переработанным графом Витте» ¹⁸⁴) в статье доказывалось, что prerogatives монарха спасены лишь благодаря Витте. Содержание обеих статей в «Историческом вестнике» отнюдь не совпадало целиком с содержанием соответствующей главы рукописных заметок. Статьи представляли собой не переложение мемуарного текста об основных законах, а скорее документированные дополнения к нему. Совершенная одинаковость направленности статей и главы «Воспоминаний» заставляет предположить, что Глинский неминуемо должен был пользоваться текстом мемуаров. Одних инструкций Витте было здесь недостаточно. О том же свидетельствует наличие в одной из статей эпизода, связанного с настоянием Витте на утверждении основных законов до созыва Думы с тем, чтобы лишить ее возможности их обсуждения. Не отраженный нигде, кроме мемуаров, он был включен в статью Глинского без прямой связи с именем Витте, который, заискивая перед Николаем II, не хотел, по-видимому, окончательно разоблачать себя и в глазах Думы. ¹⁸⁵

В отличие от прочих разделов рукописных заметок и стенографических рассказов, в том разделе стенограмм, который составил гл. 67 «Воспоминаний» — «Покушение на мою жизнь» — содержалось упоминание о намерении автора при жизни опубликовать материалы, которые легли в основу этого раздела. Раздел о поку-

¹⁸² Там же, стр. 978.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же, стр. 980.

¹⁸⁵ Исторический вестник, 1913, февраль, стр. 601.

шении был написан Витте не только по памяти, но и на основании трехтомного следственного дела, которое он тщательно хранил в «нескольких экземплярах в различных местах»,¹⁸⁶ а также на основании его переписки со Столыпиным. «Переписка эта ввиду смерти Столыпина не составляет уже такого особого секрета и, может быть, я ее распубликую еще при моей жизни», — продиктовал Витте.¹⁸⁷ Но затем намерения его в этом вопросе несколько изменились. По-видимому, это стояло в связи с общей переменной его поведения после смерти Столыпина, возникновением у него более определенных надежд на возвращение к власти, рекламированием в печати своей традиционной реакционности, личных заслуг в борьбе за неприкосновенность монархии и т. п.

Лишь в начале 1914 г. в февральском номере журнала «Русская мысль», издававшемся П. Струве, появилась статья Л. М. Клячко (Л. Львова) «Семь лет назад (Покушение на жизнь гр. Витте)», написанная по материалам следственного дела. Через год, уже после смерти Витте, во второй своей статье, о которой пойдет речь ниже, Львов призвал, что он был связан с Витте во время работы над первой статьей, ознакомлен с содержанием мемуаров и получил у Витте возможность снять копию с переписки со Столыпиным.¹⁸⁸ При этом Витте в прямом противоречии с тем, что он заявил по этому поводу в стенографических рассказах, взял со Львова слово не публиковать переписку до его (Витте) смерти. Нет ни малейших сомнений, что статья «Семь лет назад» была написана по одному из тех экземпляров следственного дела, которые хранил Витте. Находясь за границей, он поручил своему петербургскому секретарю Поморину выслать своему берлинскому издателю Мельнику вместе с вышедшими уже частями «Пролога» и статью Львова, которую назвал статьей «о покушении на меня».¹⁸⁹ На этом дело, однако, не остановилось, тем более, что Витте повел его с разных концов, расширяя сферу воздействия своих публикаций и одновременно будучи, по-видимому, не прочь разжигать или по крайней мере поддерживать конкуренцию в среде собственной литературной агентуры. Хотя тема о покушении в сущности была уже исчерпана статьей Львова, за исключением переписки Витте со Столыпиным, которую Львов должен был по требованию Витте приберечь до его смерти, тем не менее уже 8 апреля Витте запросил Поморина: «А как брошюра Штейна — о покушении?».¹⁹⁰ Но с изданием этой брошюры встретились трудности. Как и все

¹⁸⁶ В современном фонде Витте в ЦГИАМ ни одного из экземпляров этого дела нет.

¹⁸⁷ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 440.

¹⁸⁸ Русская мысль, 1915, № 3, стр. 134, 152.

¹⁸⁹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, л. 129. Витте — Поморину, [1914 г.]

¹⁹⁰ Там же, л. 41. Витте — Поморину, 8 апреля 1914 г.

произведения Штейна, написанные по заказу Витте, издавал ее, по-видимому, Сытин. Во всяком случае Витте винил в неудаче дела Руманова, который был в это время уже одним из руководителей всего сытинского издательского предприятия. Именно к этой брошюре относятся, как нам представляется, указание Витте Штейну: «Если дело о напечатании брошюры, по которой так хитрит Руманов, не движется... попробовать напечатать в Берлине на русском или немецком языке» через Мельника,¹⁹¹ а также фраза о том, что «Р[уманов] просто хочет работу эту кому-нибудь продать, чтобы хотя частью выручить расходы».¹⁹²

Трудно, конечно, сказать, действительно ли Руманов хотел, как утверждал Витте, «продать» брошюру Штейна, и если это так, то нашелся ли бы на нее покупатель. Несомненно, однако, что если в осуществление прежних намерений Витте в брошюру Штейна была бы включена переписка Витте со Столыпиным (а без этого его брошюра могла лишь повторить статью Львова), и брошюра эта вышла бы в свет, то Львов, хранивший полученную от Витте копию этой переписки, оказался бы просто-напросто одураченным. А Руманов и он были тесно связаны. Как бы то ни было, брошюра Штейна о покушении, насколько нам известно, так и не увидела света ни в Петербурге, ни в Берлине. Что же касается переписки о покушении, то она была опубликована Львовым после смерти Витте с молниеносной быстротой — в мартовском номере «Русской мысли» одновременно с некрологами.

Заем 1906 г.

В ноябре 1913—марте 1914 г. Витте открыл широкую кампанию против министра финансов и премьер-министра В. Н. Коковцова. Он выступил с рядом статей о железнодорожной политике Коковцова, в которых, критикуя эту политику, противопоставлял ей свои «заслуги» в области казенного железнодорожного строительства. В результате в этих статьях нашли отражение как основные взгляды Витте на вопросы железнодорожной политики, высказывавшиеся им на страницах воспоминаний, так и некоторые эпизоды его биографии, связанные с железнодорожным делом. Критику железнодорожной политики Коковцова в печати Витте начал как раз в период переговоров о новом крупном займе, которые русское финансовое ведомство (после целой серии гарантированных правительством железнодорожных займов, заключенных во Франции в 1910—1912 гг.) вело в Париже в конце 1913 г. Возможно, что Витте не прочь был сорвать эту финансовую операцию

¹⁹¹ Там же, л. 105. Витте — Поморину, 27/7, вторник. [1914 г.].

¹⁹² Там же, л. 106. Витте — Поморину, вторник, [1914 г.].

Коковцова. Не случайно одна из первых же статей Витте против Коковцова, появившаяся в «Новом времени» в ноябре 1913 г., называлась «Беседа с гр. С. Ю. Витте (О железнодорожных займах и строительстве)». ¹⁹³ Витте обрушился на железнодорожную политику правительства Коковцова с критикой как за то, что оно (следуя примеру правительства Столыпина) не считается с мнением Думы, и «все концессии частных железнодорожных обществ, требующих гарантий своих капиталов со стороны казны, проходят прямо через второй департамент Государственного совета, а не через законодательные учреждения», ¹⁹⁴ так и за то, что оно отступило от принципов железнодорожной политики, проводившейся при Александре III.

В опубликованной в декабре 1913 г. в «Биржевых ведомостях» за подписью «Инсаров» статье «Гр. С. Ю. Витте о нашем железнодорожном строительстве» от имени Витте выдвигалось одиннадцать пунктов обвинений против железнодорожной политики Коковцова. ¹⁹⁵ Витте обвинял Коковцова в том, что тот ведет частное железнодорожное строительство фактически на государственные деньги, что помещение во Франции частных железнодорожных облигаций, гарантированных правительством, есть на деле худший вид государственных займов, так как они подлежат там высокому обложению, что деньги, получаемые от реализации этих облигаций, до начала строительства дорог находятся в русских частных банках и используются для биржевых спекуляций и т. д. «Вся эта новая система представляет собою лишь цветочки, — говорилось в заключительной части статьи, — и если не будут приняты меры для ее урегулирования, то появятся ядовитые ягодки». ¹⁹⁶

Если сопоставить публиковавшиеся в конце 1913 или в начале 1914 г. инспирированные Витте статьи, содержавшие критику же-

¹⁹³ Новое время, 13 ноября 1913 г. Беседа эта была опубликована за подписью: С. Марк.

¹⁹⁴ Там же. См. также разъяснение по поводу этой беседы Витте под названием «Маленькая справка»: Новое время, 16 ноября 1913 г. Прямым продолжением статьи «Беседа с гр. С. Ю. Витте» были статьи в «Новом времени» от 10 и 15 января 1914 г. Обе они несомненно исходили от Витте. В первой из них, названной, как и статья в номере от 16 ноября 1913 г., Витте продолжал излагать свои взгляды на железнодорожную политику Коковцова. Вторая статья «Права законодательных палат и железнодорожное строительство» была написана тем же автором, что и «Беседа с гр. С. Ю. Витте». Ссылаясь на то, что «одно высокопоставленное лицо» предоставило в его распоряжение «материалы, дающие возможность еще полнее осветить права законодательных палат в сфере железнодорожного строительства», автор статьи подробно развивал высказанную Витте еще во время ноябрьской «беседы» мысль о том, что «порядок проведения правительством железнодорожных концессий» является нарушением прав народного представительства.

¹⁹⁵ Биржевые ведомости, 18 декабря 1913 г.

¹⁹⁶ Там же.

железнодорожной политики Коковцова, то легко убедиться в том, что они очень часто и во многом повторяют друг друга. Однако если эти статьи рассматривать с точки зрения того, насколько они приближаются к тексту мемуаров, то наиболее интересной из них в этом отношении является напечатанная 18 марта 1914 г. в «Русском слове» и приуроченная к 25-летию тарифных учреждений статья «Цветочки и ягодки концессионного дела».¹⁹⁷ Проникнутая плохо скрываемой озлобленностью статья эта была написана по очень несложной схеме: все, что было до и после Витте, — плохо, все, что при нем, — хорошо. Статья начиналась описанием всесилья «железнодорожных королей», которое соответствовало содержанию гл. 7 «Воспоминаний». Затем, как и в мемуарах, следовал рассказ о создании железнодорожной комиссии графа Баранова, о «пробуждении общественного внимания к вопросу о железнодорожных тарифах» под влиянием полемики между С. Ю. Витте и Д. М. Пихно. Та же последовательность событий: выходит сочинение Витте о железнодорожных тарифах, «молодой и энергичный Витте привлек к себе внимание Петербурга» и «приглашен в комиссию Баранова», он разрабатывает Устав российских железных дорог и т. д. Но настоящий перелом в железнодорожной политике происходит только при Александре III, с назначением Витте директором Департамента железнодорожных дел, а затем министром финансов. Витте все изменил. «За эти 11 лет (пребывания Витте на посту министра финансов, — Б. А. и Р. Г.) железнодорожная сеть увеличилась почти вдвое. Большинство дорог оказалось в руках казны, оставшиеся частные общества были связаны правом срочного выкупа на весьма выгодных для казны условиях. Концессионной гидре был нанесен смертельный удар. Она начала сходить на нет», — так описывались в статье итоги деятельности Витте. А после ухода Витте опять все плохо: «до 1907 г. в железнодорожном деле был полный застой», а затем «бурное оживление, к сожалению, более тяжкое, чем застой», так как началась новая полоса коррупции, связанная с участием банков в железнодорожном строительстве.¹⁹⁸ И хронология, и логика в этой схеме были принесены в жертву возвеличению Витте. Приписываемый Витте целиком себе переход к новой политике в железнодорожном деле в действительности начался до него. Что же касается нового периода железнодорожного грядущества после 1907 г., то уж, конечно, не отсутствием у власти Витте объяснялось формирование империалистических монополий в железнодорожном деле и подчинение всей транспортной системы страны финансовому капиталу. Кроме крайней наивности, в такой рекламе Витте была и прямая фальшь. Не только в поле-

¹⁹⁷ Русское слово, 18 марта 1914 г.

¹⁹⁸ Там же.

мике начала 80-х годов, но и в своей деятельности на посту министра финансов Витте весьма активно в нужных ему случаях поддерживал частное строительство с сопутствующей ему коррупцией. Совет съездов представителей промышленности и торговли напомнил об этом специальной запиской, составленной в опровержение заявления Витте. Витте ответил на нее через корреспондента «Русского слова» и по существу должен был признать, что он не был принципиальным противником частного строительства.¹⁹⁹

Хотя кампанию против Коковцова в печати Витте открыл критикой его железнодорожных займов, основным в их полемике очень скоро сделался вопрос о государственном займе 1906 г., который сыграл столь значительную роль в подавлении революции 1905—1907 гг., что даже 8 лет спустя ни Витте, ни Коковцов не желали уступить друг другу лавров главного его устроителя.

В конце 1913 г. Витте издал на правах рукописи только в 40 экземплярах и с грифом «конфиденциально» небольшую брошюру по истории займа 1906 г.²⁰⁰ Подбор документов для этого издания Витте произвел заблаговременно. Во всяком случае к тому времени, когда Витте написал тот раздел своих рукописных заметок, который посвящен истории займа 1906 г., это было уже сделано. И рассказав о том, что Коковцов в Государственной думе выставляет себя спасителем царизма от финансового банкротства в 1906 г., Витте далее написал в своих мемуарах: «Вследствие таких заявлений его я собрал сохранившиеся у меня документы по займу 1906 г., которые составляют отдельную папку в моем архиве».²⁰¹

Под новый 1914 г. вместе с новогодними поздравлениями Витте разослал экземпляры своей брошюры целому ряду видных сановников, в том числе Коковцову, Акимову, Танееву, Рухлову, Дурново и всем членам Комитета финансов. Первый экземпляр справки Витте отправил самому Николаю II. То ли в планы Витте не входило скрывать от Николая причины, побудившие его напечатать справку о займе 1906 г., то ли он считал заведомо обреченной и наивной даже самую попытку сделать это, во всяком случае, отправляя Николаю экземпляр справки, Витте прямо написал царю, что составил ее, поскольку история займа 1906 г. постоянно упоминается в «официальных речах и газетных интервью с припискою авторства сего займа не его настоящему автору», а Коковцову.²⁰² Чтобы заранее отвести от себя обвинения в разглашении документов, всего шесть лет тому назад представлявших собой секретную

¹⁹⁹ Русское слово, 11 декабря 1913 г.

²⁰⁰ С. Ю. Витте. Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 года, спасший финансовое положение России. СПб., 1913.

²⁰¹ С. Ю. Витте. Воспоминания. т. 3, стр. 251.

²⁰² ЦГИАМ, ф. 601, оп. 1, д. 1034, л. 1. Витте—Николаю II, б. д.

переписку большой государственной важности, Витте подчеркнул в письме к Николаю, что он «по осторожности» не включил в справку документы, которые «по политическим соображениям поместить было бы неудобно», и что он намерен раздать справку «только некоторым государственным деятелям».²⁰³

Если сопоставить справку о займе с гл. 59 третьего тома «Воспоминаний», посвященной тому же сюжету, то нетрудно убедиться, что мы имеем дело с различными текстами, почти не повторяющимися друг друга, за исключением двух или трех случаев, когда Витте приводит одни и те же документы и в справке и в воспоминаниях. В мемуарах Витте подробнее останавливается на международных событиях, связанных с заключением займа 1906 г., и русско-германских отношениях этого времени, а в справке значительно полнее изложена сама история займа 1906 г., в ней приводится больше документов, связанных с его подготовкой. В то же время оба текста написаны с одной целью: доказать, что именно он, Витте, а не Коковцов заключил заем 1906 г. и спас русское самодержавие от финансового банкротства в период русско-японской войны и революции 1905—1907 гг., между тем как Коковцов был просто техническим исполнителем заранее подготовленной операции.

В том, что эти тексты все-таки родственны по своему характеру, легко убедиться, если сопоставить описание роли Коковцова в заключении займа на страницах справки и в мемуарах. В справке Витте писал по этому поводу: «Когда, наконец, все было улажено, то необходимо было послать в Париж для подписания займа представителя русского правительства. Я предложил его величеству нескольких лиц, указав, что так как вся политическая и финансовая сторона займа уже разрешена и остались только одни чисто технические вопросы, то совершенно безразлично кого посылать. Государь император изволил остановиться на В. Н. Коковцове. К последнему был мною прикомандирован состоявший в то время вице-директором Особенной канцелярии по кредитной части мой ученик А. И. Вышнеградский. . .».²⁰⁴ «Когда все политические затруднения по займу были устранены, — читаем по этому же поводу в «Воспоминаниях», — а заем во всех своих главных частях был установлен посредством переговоров, веденных мною в течение трех месяцев и, как это мною сказано ранее, согласно желанию

²⁰³ Там же. На самом же деле Витте ознакомил с содержанием своей справки не только государственных деятелей, но и кое-кого из журналистов. В частности, один из экземпляров несомненно находился у Б. Б. Глинского, который без каких бы то ни было ссылок или оговорок ввел значительную часть справки в текст своей статьи о Витте, напечатанной в 1915 г. в «Историческом вестнике».

²⁰⁴ С. Ю. Витте. Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 года, спасший финансовое положение России, стр. 32.

государя было решено послать для подписания контракта и установления с банкирами деталей Коковцова, то около 20 марта я попросил его к себе... Вместе с ним поехал Вышнеградский...».²⁰⁵

Трудно сказать, пользовался ли Витте текстом мемуаров в тот момент, когда им составлялась справка о займе. Но несомненно одно, что и справка, и текст воспоминаний, вошедший в 59-ю главу, были написаны на основании одних и тех же документов.²⁰⁶ Опубликовав в 1913 г. справку о займе, Витте тем самым развил и сделал достоянием гласности одну из центральных тем своих воспоминаний. Причем, хотя справка и была рассчитана лишь на узкий круг лиц, самый факт ее выхода очень скоро был отмечен в газетах и тем самым сделался общеизвестным.

29 января 1914 г., накануне опубликования рескрипта об отставке Коковцова с поста премьер-министра, на страницах газеты «День» появилась небольшая статья без подписи под названием «Переписка С. Ю. Витте с В. Н. Коковцовым», в которой говорилось о выходе «книги» Витте, посвященной истории заключения займа 1906 г., и об обмене письмами, который состоялся в связи с этим между Коковцовым и Витте. Статья в газете «День» носила несомненно враждебный по отношению к Витте характер. Прежде всего автор ее весьма недвусмысленно намекал на причастность Витте к кампании против Коковцова и ставил появление справки в прямую связь с этой кампанией. В статье подчеркивалось, что Витте «не удовольствовался обычным путем распространения своей книги» и «представил через особое лицо один экземпляр ее на просмотр сфер», которые «усмотрели... цель издания книги на 32 странице ее» и после просмотра переслали свой экземпляр Коковцову, обратив на это его внимание. «Статс-секретарь В. Н. Коковцов, — говорилось далее в статье, — получив экземпляр книги и узнав отношение к нему сфер, прежде всего навел справку, касающуюся также 32-й страницы. Оказалось, что в этом факте граф перепутал. Г. Вышнеградский еще в сентябре 1905 года ушел из Министерства финансов и ко времени заключения займа, т. е. в 1906 году, вовсе не состоял в нем. Эта справка была доложена».²⁰⁷

Далее было сказано, будто Коковцов, получив от Витте экземпляр «книги» с препроводительным письмом, ответил ему, «что он уже имел возможность ознакомиться с его трудом, «так как брошюра была ему сообщена и даже с мнением сфер, что она, вероятно,

²⁰⁵ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, стр. 246.

²⁰⁶ Часть вошедших в справку документов была опубликована Б. А. Романовым в сборнике документов «Русские финансы и европейская биржа» (Центрархив, 1924).

²⁰⁷ День, 29 января 1914 г.

написана вся для 32-й страницы». ²⁰⁸ Между тем в письме Коковцова ничего подобного сказано не было, как не было в письме Коковцова и фразы, которой оно, по утверждению автора статьи в газете «День», якобы кончалось, а именно: «Председатель Совета министров позволяет себе думать, что все документы, относящиеся к государственным делам времени пребывания графа у власти, сданы им в государственный архив, а не хранятся у него, графа». ²⁰⁹

Такое несоответствие действительного содержания письма Коковцова с тем, что о нем было написано на страницах газеты «День», заставляет поставить под сомнение и остальную часть статьи, в частности утверждение о том, что Коковцов будто бы представил в «сферы» специальную записку относительно участия в переговорах о займе Вышнеградского, тем более что сам Коковцов в своих воспоминаниях, написанных значительно позднее, признает факт активного участия в переговорах о займе Вышнеградского и Утина, хотя и подчеркивает, что они выступали в этих переговорах как представители частных русских банков. ²¹⁰

Чем же можно объяснить расхождение между действительным содержанием письма Коковцова и его изложением в газете «День»? Может быть, недостаточной осведомленностью автора статьи? Такое предположение кажется маловероятным и вообще трудно предположить, чтобы подобная статья, написанная в защиту Коковцова и направленная против Витте, могла бы появиться на страницах печати без ведома Коковцова, в день опубликования статьи бывшего еще премьер-министром. Возникает предположение, не было ли в статье допущено намеренное искажение письма Коковцова Витте и не дописал ли Коковцов в этой анонимной статье своей или чужой рукой то, что он не решился или считал бесполез-

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же. В письме Коковцова Витте говорилось следующее: «Приношу Вашему сиятельству глубокую мою признательность за сообщение мне составленной Вами справки об обстоятельствах заключения займа 1906 г. Она освежила в моей памяти ту отошедшую уже теперь в область прошлого пору, которая, конечно, навсегда останется памятна мне. Ничего из этой поры мною не забыто, кое-что я мог бы еще добавить и развить, и хотя моя роль в этом деле сведена к простому подписанию заранее договоренных и установленных условий (стр. 32), но я довольствуюсь и этою скромною ролью. Мое самодовольствие давным давно подчинено мною величайшей скромности и я довольствуюсь даже ролью той мухи, на рогах вола, которая горделиво заявляла „и мы пахали“. Я благодарю судьбу и за то, что мне дано было хотя бы стоять около того великого дела, которому суждено было спасти Россию от финансового расстройства» (ЦГИАЛ, ф. 966, оп. 2, д. 7, лл. 1—2. Коковцов — Витте, не ранее 2 января 1914 г.).

²¹⁰ См.: В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Париж, 1933, стр. 150. А. И. Вышнеградский, уйдя с государственной службы, стал одним из руководителей Петербургского международного банка.

ным писать в частном письме своему политическому сопернику. В самом деле, какой смысл имели бы в таком письме, например, упреки в адрес Витте в том, что тот хранил в своем личном архиве документы большой государственной важности, в то время как этот же упрек, сделанный на страницах газеты, приобретал уже характер сделанного публично доноса.²¹¹ Возможно, что подобного рода соображениями Коковцов и руководствовался, написав нарочито любезное и несколько униженное, хотя и ядовитое, личное письмо Витте и решив в то же время дать бой своему противнику в «сферах» и в печати. Впрочем, в «сферах» Коковцов в самый разгар его полемики с Витте по вопросу о займе потерпел окончательный крах. 30 января последовал неожиданный для него самого рескрипт об его отставке. Зато в прессе именно после ухода Коковцова с поста премьер-министра между ним и Витте разгорелась самая ожесточенная борьба.

Продолжая в январе 1914 г. атаку против Коковцова, Витте не собирався ограничиться распространением справки о займе и вскоре после отставки Коковцова выступил в печати со статьями, в которых подверг резкой критике всю его финансовую политику. В частности, 26 марта 1914 г. в «Новом времени» появилась большая статья за подписью «Х.» под заглавием «Приятное и мрачное наследство». Статья эта была построена на сопоставлении результатов финансовой политики Витте и Коковцова, в итоге которого автор делал вывод, подсказанный уже самим названием статьи, что Витте перед уходом с поста председателя Совета министров оставил «приятное» наследство, в то время как Коковцов едва не привел страну к финансовой катастрофе.²¹² Автор статьи обвинял Коковцова в том, что при нем значительно увеличилось держание

²¹¹ Кстати сказать, этот упрек, сделанный Витте анонимным автором статьи в газете «День» в 1914 г., в известной мере перекликается с соответствующим местом мемуаров Коковцова. В главе третьей своих воспоминаний Коковцов обвиняет Витте в том, что тот держал в руках всю переписку по займу 1906 г. «Даже Кредитная канцелярия знала далеко не все телеграммы и письма, — читаем мы в мемуарах Коковцова, — которыми обменивался председатель Совета министров со своими заграничными корреспондентами. Многие посылались непосредственно из Общей канцелярии, другое шло по Канцелярии Совета министров или прямо от самого гр. Витте, настолько, что впоследствии, когда я вернулся на должность министра и оставался на ней целых восемь лет, не было возможности составить полного дела о подготовке займа, и многие бумаги и телеграммы так и остались в личном архиве гр. Витте» (В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Париж, 1933, стр. 142). Как видно, Витте значительную часть этих документов взял в свой архив в подлинниках, не позаботившись о том, чтобы оставить в соответствующем делопроизводстве их копии, и тем самым оказался в начале 1914 г. в исключительном положении — обладателя наиболее полного собрания документов, связанных с историей заключения займа 1906 г.

²¹² Новое время, 26 марта 1914 г.

золота за границей, постройка и эксплуатация железных дорог казною стали заменяться частным строительством на казенные деньги, которые в свою очередь добывались за счет займов, не выкупались в казну частные железные дороги, сроки выкупа которых наступили, развилась биржевая игра и т. п.

Статья за подписью «Х.», превозносившая финансовую систему Витте и разоблачавшая политику Коковцова, принадлежала перу самого Витте, о чем свидетельствует сохранившееся в его архиве, относящееся к 1914 г. и датированное 20 апреля, небольшое письмо, адресованное Н. С. Поморину. Письмо это содержит следующее распоряжение: «Перешлите прилагаемую статью и передайте ее от моего имени Мих. Ал. Суворину, а в случае его отсутствия его заместителю, на случай если он захочет ее напечатать за подписью „Х“, как была напечатана первая статья».²¹³ Из этого письма видно, что под «первой» Витте подразумевал статью «Приятное и мрачное наследство». Что же касается новой статьи, которую он теперь через Поморина посылал в редакцию «Нового времени», то ее название нам неизвестно, и лишь можно предполагать (на основании сохранившегося в архиве Витте черновика без начала), что она была посвящена вопросу о государственной задолженности России.²¹⁴ Нам не удалось обнаружить эту статью в напечатанном виде.

Ответ Коковцова на статью от 26 марта не замедлил последовать. Четыре-пять дней спустя, в газете «День» в двух номерах была напечатана большая статья под названием «Всему есть мера», подписанная «П.» и несомненно исходившая от Коковцова. Перед читателями петербургских газет развернулся настоящий словесный турнир двух отставных премьеров, каждый из которых претендовал на право считаться спасителем монархии Николая II, уже не нуждавшейся в услугах ни того ни другого. Автор статьи «Всему есть мера» весьма определенно давал понять читателям, что за критикой политики Коковцова скрывается не что иное, как попытка самого Витте напомнить о своих «исключительных заслугах в прошлом» и вновь выдвинуться на первый план. «Непонятно, — язвительно писал автор статьи по поводу заслуг Витте, — почему в последнее время о них так много вторят в разных газетах и по большей части в одном стиле».²¹⁵ Рассматривая справку о займе, он пытался истолковать помещенные в ней документы в пользу Коковцова. «Из целого ряда документов, — говорилось в статье, — помещенных в этой брошюре, явствует, однако, что гр. Витте

²¹³ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, л. 110. Витте — Поморину, 20 апреля 1914 г.

²¹⁴ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1003.

²¹⁵ День, 30 марта 1914 г.

тщетно добивался более благоприятных условий заключения этого займа и переговоры едва ли не были прерваны. И только тогда, когда в Париж был командирован В. Н. Коковцов, ему удалось достигнуть принятия именно этих более благоприятных условий».²¹⁶

По-видимому, вопрос о займе 1906 г. продолжал оставаться центральным предметом спора между Витте и Коковцовым, так как Витте прежде всего отреагировал именно на ту часть статьи «Всему есть мера», которая была посвящена брошюре о займе, и к 8 апреля уже заготовил на нее ответ, который намеревался напечатать в газете «День» от имени А. А. Анспаха, чиновника Министерства торговли и промышленности, сына А. Ф. Анспаха, петербургского представителя «Revue des Etudes Franco-Russes» и автора вышедшей в 1904 г. в Париже книги об экономической политике Витте.²¹⁷ Об этом свидетельствует сохранившееся в бумагах Витте письмо к А. А. Анспаху от 8 апреля 1914 г.²¹⁸ К письму был приложен текст статьи, написанной Витте, в которой самым решительным образом заявлялось, что Коковцов к заключению займа 1906 г. совершенно непричастен, а автор статьи «Всему есть мера», «очевидно, знаком с делом лишь понаслышке».²¹⁹ Очевидно, Анспаха не оказалось в Петербурге, и переговоры с издателем газеты пришлось вести Поморину. Как видно из телеграммы, которую он послал Витте, опубликование статьи было возможно лишь со ссылкой на просьбу самого Витте.²²⁰ И, действительно, статья в скором времени появилась на страницах газеты «День» без подписи, но с указанием на то, что она печатается по просьбе Витте и в связи с опубликованием в № 87 газеты статьи «Всему есть мера», содержание которой напоминалось.²²¹ Почему Витте хотел поместить эту статью за подписью именно А. А. Анспаха? Очевидно потому, что А. А. Анспах в качестве сотрудника Витте принимал участие в составлении брошюры о займе 1906 г., 20 апреля 1914 г. Витте одновременно с уже цитировавшимся выше письмом Поморину написал ему второе письмо с распоряжением на тот случай, если его статья будет напечатана в «Новом времени», а «День» выступит с возражениями. «Если паче чаяния, — писал Витте, — последует в „Дне“ возражение, пользуясь моим отсутствием, а вернется Анспах, то так как он имеет брошюру со всеми документами, то от моего имени попросите его ответить за свою»

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Anspaeh. La Russie économique et l'oeuvre de M. de Witte. Paris. 1904. Книга Ф. А. Анспаха была написана с позиций восхваления политики Витте.

²¹⁸ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1003, л. 1.

²¹⁹ Там же, лл. 2—3.

²²⁰ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, л. 41.

²²¹ День, 16 апреля 1914 г.

подписью, сославшись на те или иные документы и заявив, что ему документы эти известны как одному из моих сотрудников».²²²

В начале мая 1914 г. «Новое время» заняло резко отрицательную позицию по отношению к выступлениям Витте в печати с критикой финансовой политики Коковцова, особенно в иностранных газетах. Непосредственным поводом для этого послужило выступление Витте 27 апреля (10 мая) 1914 г. на страницах немецкой газеты «Vossische Zeitung» с интервью по поводу назначения Шипова управляющим государственным банком, а Барка — министром финансов. Интервью это Витте дал в Биаррице сотруднику газеты, берлинскому издателю некоторых его сочинений Иосифу Мельнику. Высказавшись решительно в пользу назначения Шипова и Барка, а также вообще в поддержку правительства Горемыкина, Витте заявил в своем интервью, что Коковцов «поколебал основы финансового равновесия в России в столь высокой мере, что если бы его дальше оставили в должности, наступила бы без всякого сомнения катастрофа».²²³ Вскоре вслед за этим полемика между Витте и Коковцовым нашла отражение и в других иностранных газетах, в том числе в «Neue Zürcher Zeitung» и «Neue Freie Presse».

Попытка Витте перенести полемику с Коковцовым на страницы зарубежных газет вызвала недовольство официальных петербургских кругов и, видимо, самого Николая II. Отражением этого недовольства, надо полагать, и явилась статья Меньшикова в «Новом времени», специально посвященная интервью Витте корреспонденту «Vossische Zeitung», написанная в очень резком тоне и обвинявшая Витте в том, что он своими выступлениями в заграничной печати подрывает русский кредит.²²⁴

Впрочем, не только «Новое время», но даже «Русское слово», газета, в которой Витте через Руманова обычно печатал большинство выходивших из-под его пера или инспирированных им статей, в конце концов вынуждено было с осуждением отозваться о полемике Витте с Коковцовым. До середины мая «Русское слово» все время держало фигуру Витте в поле зрения своих читателей, настраивая их таким образом, что Витте с приходом к власти правительства Горемыкина неизбежно должен будет снова принимать самое активное участие в политической жизни. В коротких сообщениях Руманова из Петербурга как бы между прочим упоминалось то об обмене Витте и Горемыкина телеграммами, то о намерении Витте ускорить свой приезд в Россию из-за границы в связи с предстоящими переменами в составе кабинета, то просто о его влиянии на правительство Горемыкина. В наиболее подробной кор-

²²² ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, л. 111. Витте — Поморину, 20 апреля 1914 г.

²²³ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 942, л. 21.

²²⁴ Новое время, 1 мая 1914 г.

респонденции из Петербурга от 2 апреля 1914 г. под названием «Граф С. Ю. Витте и кабинет Горемыкина» заявлялось даже, что предвидится «значительное расширение деятельности финансового комитета», председателем которого являлся Витте. Далее Руманов сообщал, что на Витте, вероятно, будет возложено ведение русско-германских торговых переговоров и что возможно его назначение министром иностранных дел.²²⁵ Несомненно, что источником этой информации являлся сам Витте, который, способствуя своими выступлениями в печати дискредитации политики Коковцова, продолжал пробивать себе дорогу к власти, делая ставку на правительство Горемыкина.

Подтверждение тому, что Витте надеялся в это время вернуться к власти, мы находим у Глинского, который после его смерти писал, что Витте рассчитывал после назначения Барка (Витте считал его вышедшим из своей финансовой школы) министром финансов оказывать «как председатель финансового комитета» «влияние» на ход финансовой политики. Кроме того, по свидетельству Глинского, Витте весной 1914 г. «был твердо уверен, что на него возложена будет миссия ведения переговоров с Германией о новом торговом договоре», готовился к этому назначению и, как писал Глинский, «в интересах реабилитации своей по предмету последнего заключенного им торгового договора с Германией репутации, отдал в распоряжение редакции „Вестника Европы“ и нашего журнала известные статьи профессора Иванюкова о двух русско-германских торговых договорах».²²⁶

29 апреля (12 мая) 1914 г., за два дня до опубликования в «Новом времени» упомянутой выше статьи Меньшикова против Витте, «Русское слово» поместило выдержанное еще в общем в довольно спокойном духе сообщение о том, что заявления Витте в «Vossische Zeitung» будто бы произвели «огромное впечатление» в германских «политических и биржевых кругах» и берлинская биржа реагировала на них «усиленными продажами русских бумаг».²²⁷ Однако уже 10 мая 1914 г. на страницах «Русского слова» появился фельетон Баяна-Колышко под названием «Два графа», который хотя и был написан не так резко, как статья в «Новом времени», и в большей степени даже задевал Коковцова, чем Витте, все-таки в известной мере перекликался со статьей Меньшикова, ибо лейт-мотив этого фельетона состоял в том, что в своей полемике и «граф боль-

²²⁵ Русское слово, 2 апреля 1914 г.

²²⁶ Исторический вестник, 1915, № 12, стр. 957. Работа И. И. Иванюкова (умершего в 1912 г.) была напечатана в двух частях: 1. К истории русско-германских таможенных договоров, Договор 1894 г. Вестник Европы, 1914, № 7; 2. Торговый договор с Германией 1904 г. Исторический вестник, 1915, № 2.

²²⁷ Русское слово, 29 апреля (12 мая) 1914 г.

шой» — Витте, и «граф маленький» — Коковцов зашли слишком далеко и побили рекорд «газетной бесцеремонности». ²²⁸ Если уж «Русское слово» вынуждено было в середине мая 1914 г. одернуть Витте, то это означало, что в затеянной им открытой полемике с Коковцовым где-то у него вышла осечка.

Положение Витте ухудшилось еще в связи с тем, что в июне 1914 г. петербургский окружной суд приговорил к шести месяцам тюремного заключения редактора «St. Peterburger Herald» Г. И. Пиперса по обвинению в клевете на Коковцова, между тем как для всех было очевидно, что информация, за которую Пиперс был привлечен к судебной ответственности, исходила от Витте. Коковцов так описывает в своих мемуарах обстоятельства, связанные с этим эпизодом. Через несколько дней после его отставки 4 февраля 1914 г. «St. Peterburger Herald» опубликовал статью под заглавием «Владимир Николаевич Коковцов отличается от других министров», в которой говорилось, что Коковцов, желая поставить себя в исключительное положение, отказался взять предложенные ему Николаем II в качестве традиционного вознаграждения в связи с отставкой 200 или 300 тыс. руб. Иронизируя по поводу отказа Коковцова принять эти деньги, автор статьи намекал на то, что Коковцов «мог позволить себе этот красивый жест», так как он, используя служебное положение, нажил большое состояние на посту министра и потому «не нуждался в царской щедрости». В довершение всего, в заключительной части статьи говорилось, что в связи с отказом Коковцова взять деньги в бюрократических кругах Петербурга циркулирует афоризм, пущенный одним очень известным государственным деятелем: «Гораздо более почтенно и достойно принимать деньги, предложенные монархом, чем получать их от г. Утина, президента Петербургского учетно-ссудного банка». Во время процесса над Пиперсом его адвокат Башмаков, добиваясь оправдания своего клиента и утверждая, что тот пользовался источником, заслуживающим доверия, предъявил суду один из номеров «Berliner Tageblatt», содержащий заявление о том, что автором афоризма о Коковцове был не кто иной, как Витте. ²²⁹

Итак, имя Витте оказалось прямо связанным с делом Пиперса, исход которого не мог не нанести Витте серьезного ущерба и затруднял продолжение его полемики с Коковцовым. Между тем Витте делал попытки использовать процесс для оглашения компрометирующих Коковцова газетных статей и был недоволен пассивным поведением Пиперса. «Меня удивляет, — писал он Поморину, — что Пиперс к своему делу относится столь равнодушно». ²³⁰

²²⁸ Русское слово, 10 мая 1914 г.

²²⁹ См.: V. Kokovtsov. Out of my Past. London, 1935, стр. 430—431.

²³⁰ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1004, л. 106. Витте — Поморину, б. д.

Попытки Витте как-либо повлиять на ход дела Пиперса оказались, очевидно, тщетными. Характерно, что даже в письмах своему секретарю Витте изображал дело так, словно он не причастен к опубликованию в «St. Peterburger Herald» статьи, послужившей причиной судебного разбирательства, и просто хочет помочь Пиперсу. Между тем, как свидетельствует в своих воспоминаниях В. Н. Коковцов, Витте убедил Пиперса напечатать эту статью. Как сообщил Коковцову Руманов со слов самого Пиперса, Витте заверил его, что тот может печатать статью, не опасаясь судебного преследования. «Поверьте мне, Коковцов никогда не посмеет предъявить иск, — заявил Пиперсу Витте, — а если он это сделает, то тем хуже для него так как будет такой скандал, что вас же первого станут благодарить за то, что вы раскрыли».²³¹

Нам неизвестны, к сожалению, все подробности газетной дуэли Коковцова и Витте, как неизвестен и ее окончательный исход. И только некоторый свет на этот вопрос проливает опубликованное В. П. Семенниковым письмо Витте к Николаю II от 17 мая 1914 г.²³² Из этого документа видно, что очередное «интервью» Витте на страницах одной из немецких газет вызвало ответное интервью кн. Мещерского в некоей парижской газете, в котором Мещерский «резко» отзывался о Витте и заявлял, что ему известны мнения и намерения относительно Витте Николая II. По-видимому, Витте понял, что заявление это сделано Мещерским неспроста, тем более что вслед за тем в Биарриц пришла телеграмма от Суворина, приглашавшая Витте ответить на интервью кн. Мещерского. Витте сразу почувствовал, что пришла пора каяться, и телеграфировал Горемыкину в Петербург, прося доложить царю, что никакого интервью он никому не давал и только имел беседу с приехавшим к нему из Берлина служащим пароходного общества «Гамбург—Америка», который «от имени берлинских деятелей» просил его высказать мнение «относительно систематически распространяемых на берлинской бирже слухов, что уход Коковцова и назначение Горемыкина и П. Л. Барка поведет за собою для финансов России гибельные последствия». «Я его успокоил, — оправдывался Витте перед Николаем II, — и разрешил передать мое мнение берлинским финансистам, но никому не разрешал что-либо печатать в газетах. Проездом через Берлин видел Мендельсона, и он мне передал, что мое мнение значительно успокоило берлинскую биржу».²³³

Если бы Витте поверили сразу, то ему не было бы нужды повторять в письме на имя Николая II то, что он уже написал в теле-

²³¹ V. Kokovtsov. Out of my Past, стр. 431.

²³² В. П. Семенников. Монархия перед крушением. М.—Л., 1927, стр. 99—100.

²³³ Там же.

грамме Горемыкину. По тону же этого письма, в котором Витте то беспардонно лгал («я всячески избегаю газетных сообщений и журналистов»), то клялся в преданности Николаю II до гробовой доски, то, сбиваясь на базарный тон, просто честил Мещерского, который-де имеет против него «зуб»,²³⁴ видно было, что и сам Витте, наконец-то, ясно понял, что последняя надежда вернуться к власти для него окончательно потеряна.

Как видим, все основные темы мемуаров оказались широко отраженными в публицистической деятельности Витте. Правда, тематическое содержание самих мемуаров отнюдь не исчерпывает всей деятельности Витте, прежде всего в качестве министра финансов. Ведь в сущности такие кардинальные вопросы, как денежная реформа 1896 г., водочная монополия, привлечение иностранных капиталов, промышленная политика Министерства финансов, освещены лишь самым беглым образом. В этом смысле полугодовому периоду премьерства повезло значительно больше, чем одиннадцатилетней деятельности на посту министра финансов. Но в этом-то и состояла характерная особенность мемуаров. Не случайно же Витте начал свои рукописные заметки описанием событий, следовавших за его отставкой с поста министра. Цель систематического освещения своей прошлой деятельности отступала у Витте-мемуариста на второй план по сравнению с задачами, которые выдвигала перед ним политическая борьба с его противниками.

Потому-то в мемуарах (а вместе с тем и в печати) были подробно освещены лишь те сюжеты, которые оказались в центре этой политической борьбы. Приведем несколько примеров.

Так, политика самодержавия в Персии, по своему характеру аналогичная его политике на Дальнем Востоке и лишь немногим уступавшая ей по своему размаху, не нашла в мемуарах никакого отражения. Между тем для Витте эта политика была таким же кровным детищем, как и дальневосточная. Дело было просто-напросто в том, что и дальневосточная тема интересовала Витте-мемуариста не столько сама по себе, сколько потому, что в его политической карьере этот вопрос играл выдающуюся роль. Изю всех многочисленных финансовых операций на зарубежных рынках, которые Витте провел, он уделил специальное внимание лишь займу 1906 г. И тот описан с одной только точки зрения — как исключительная услуга Витте самодержавию. В «Воспоминаниях» необычайно широк круг действующих лиц, обилие персональных характеристик. Наряду с этим находим лишь случайные упоминания о таких крупных финансовых деятелях, как агент Министерства финансов

²³⁴ Там же.

А. Г. Рафалович и директор Петербургского международного банка А. Ю. Ротштейн. Между тем во время пребывания Витте на посту министра финансов эти люди принимали участие в проведении основных его финансово-экономических мероприятий. Читая фразы, посвященные им в «Воспоминаниях», трудно себе представить, что Витте в течение 10 лет регулярно получал (почти каждую неделю) донесения Рафаловича о положении русского кредита во Франции, или что Ротштейн был выписан Витте из-за границы для осуществления денежной реформы и затем поставлен во главе крупнейшего в те годы частного коммерческого банка, через который при активном участии Министерства финансов привлекал в Россию иностранный капитал.

Задачи политической борьбы определяли содержание мемуаров и выбор сюжетов для открытых и инспирированных выступлений Витте в печати. Это ясно видно, если представить его выступления в хронологической последовательности.

В 1906—1910 гг., продолжая начатую еще во время войны газетную полемику, Витте ограничивался в своей публицистической деятельности дальневосточной темой (газетные статьи, книги Полли и Демчинского, «Вынужденные разъяснения графа Витте по поводу отчета ген.-адъют. Куропаткина»). В эти годы он прямо обращался к Николаю II с просьбами о возвращении на государственную службу (как это было в 1908 г., когда Витте надеялся получить пост посла в Италии) и разворачивал активную закулисную деятельность, стараясь заручиться поддержкой влиятельных лиц и с их помощью вернуть расположение к себе царя.

Судя по обрывочным сведениям, встречающимся в литературе в период 1911—1913 гг., Витте возлагал в этом смысле большие надежды на поддержку со стороны Распутина. По-видимому, издание в 1911 г. сразу трех книг — «Исхода российской революции», «Разочарований в честном маклерстве» и «Вынужденных разъяснений по поводу отчета ген.-адъют. Куропаткина» — было связано с появлением у Витте надежд на возвращение к активной государственной деятельности. Смерть Столыпина и назначение Витте на пост председателя комитета финансов еще больше усилили эти надежды. Однако с приходом к власти правительства Коковцова в положении Витте не произошло никаких серьезных изменений. И вот осенью 1913 г. Витте, наряду с Распутиным, Мещерским и др., принимает самое активное участие в кампании против Коковцова, выступив с резкой критикой его экономической политики в Государственном совете и на страницах печати. В Государственном совете Витте обрушивается на учрежденную им же самим водочную монополию, обвиняя Коковцова в том, что тот спаявает Россию. В печати же он сделал объектом своих нападок внешние займы и железнодорожную политику.

Одновременно он во всю ширь разворачивает свою публикационную деятельность по основным сюжетам мемуаров. В 1913 г. публикуются статьи Глинского о составлении основных законов, его же очерки «Развенчанные герои революции», книга А. Морского «Зубатовщина», а в конце этого года появляется справка о займе 1906 г. Публицистическая деятельность Витте продолжалась с той же интенсивностью и в 1914 г., после того как не оправдалась его ставка на правительство Горемыкина—Барка. До начала мировой войны появилась статья Львова о покушении, началось печатание «Пролога русско-японской войны», вышло французское издание «Накануне 17 октября».

С началом войны Витте попытался приспособить свою публицистическую деятельность к новой политической обстановке.²³⁵ Были сделаны специальные дополнения к уже готовой книге А. Морского «Военная мощь России». Кроме того, Витте прилагал большие усилия к тому, чтобы опубликовать свой доклад Александру III о создании военно-морской базы на Мурмане. Смысл этого состоял для Витте в том, чтобы продемонстрировать свою дальновидность и уколоть Николая II, который едва став царем, предпочел Мурману Либаву, потерявшую теперь с началом войны всякое военное значение. Была у Витте и скрытая мысль опровергнуть слухи о его германофильстве: он-де еще в 90-х годах считал основным потенциальным военным противником Германию и потому-то возражал против Либавы. Это была последняя попытка публицистического выступления Витте, сюжетно связанного с мемуарами, которая потерпела неудачу.²³⁶ Из государственных деятелей царской России конца XIX—начала XX в., оставивших мемуары, Витте безусловно стоит на первом месте как по своей осведомленности в государственных делах, так и по той решающей роли, которую он в них играл на всем протяжении важнейшего исторического периода становления империализма в России. К тому же Витте считал себя разошедшимся с Николаем II и его ближайшим окружением. Все это, естественно, не могло не отразиться в какой-то степени на содержании мемуаров выгодным для исследователя образом. Однако расхождения Витте с его политическими противниками, конкурентами в борьбе за власть, никогда не выходили за железные рамки, обусловленные классовой солидарностью правившей дворянской верхушки. Именно это главным образом и определило характер мемуаров.

²³⁵ Осенью 1914 г. возник проект отправки Витте в США для переговоров о заключении нового займа. См.: Р. Ш. Ганселин. Финансово-экономические отношения России и США после начала первой мировой войны. В кн.: История империализма в России. М.—Л., 1959.

²³⁶ Подробнее об этом см.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1, стр. 546—547 (комментарий).

Написанные с позиций воинствующего монархиста империалистической формации опытной, бесцеремонной и ловкой рукой «„великого“ акробата», «министра-клоуна», «фокусника», как называл Витте В. И. Ленин,²³⁷ они требуют научно-критического к себе отношения. Исследователь должен установить искажения в освещении и толковании фактов, выяснив в каждом случае их конкретную цель. Изучение публицистической деятельности Витте, параллельной его работе над мемуарами, как раз и служит одним из приемов в критике их как исторического источника. Оно помогает воссоздать обстановку, в которой мемуары возникли. Но дело не только в этом. Публицистические выступления Витте, в которых он, точно так же, как и в годы власти в официальных документах, стремился «особенно выставить свою пронизательность и преданность самодержавию»,²³⁸ будучи всякий раз продиктованы непосредственными карьерными интересами, проливают свет на характер изображения тех же событий в мемуарах.

Как писал В. И. Ленин о полемике Витте с Гучковым, блестящий анализ которой он дал в нескольких своих работах, «цель выступления Витте и характер его выступления — самые низменные; интрига худшего сорта, желание подставить ножку и поддвинуться к портфелю, вот его мотивы. Но известно, что когда два вора дерутся, то от этого всегда бывает некоторый выигрыш для честных людей. . .».²³⁹

²³⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 48; т. 9, стр. 363; т. 5, стр. 304.

²³⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 23.

²³⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 379.